

Вероника
ЛЕСНЕВСКАЯ

МАЛЬЧИШКИ
В НАСЛЕДСТВО

СПАСИ МОЮ ЛЮБОВЬ

Вероника Лесневская
Мальчишки в наследство.
Спаси мою любовь
Серия «Суровые отцы», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70369015
SelfPub; 2024*

Аннотация

– Ты станешь моей женой, – бесцветно бросает Виктор. Не просит, не приказывает, а просто ставит перед фактом, поглядывая на часы. Будто у него каждая секунда на счету.– Но мы с вами практически не знакомы. И я вас не люблю.– Ты знакома с моими детьми, и они к тебе привязались. Это главное. А любить меня не надо. Ни в коем случае, – хмуро сводит брови. – Меня надо слушаться.– Вы кабинетом не ошиблись? – указываю рукой на открытую дверь. – И девушкой. Вы не в офисе, а я не ваша секретарша.– Не ошибся. Я все о тебе знаю. Я помогу твоей матери, а ты выйдешь за меня, – ставит ультиматум. – В сжатые сроки ты должна стать опекуном моих сыновей-близнецов. Позже ты унаследуешь все состояние: недвижимость, бизнес, активы. Разумеется, временно. Когда мальчишкам исполнится восемнадцать, они вступят в права.– Не понимаю. Сейчас мальчишкам пять... А где будете вы все это

время?– Неважно. Не беспокойся, тебе не придется меня долго терпеть.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	46
Глава 5	54
Глава 6	71
Глава 7	82
Глава 8	101
Глава 9	113
Глава 10	128
Глава 11	138
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Вероника Лесневская
Мальчишки в наследство.
Спаси мою любовь

Глава 1

Виктор

– Надо срочно искать мать твоих детей, пока у тебя еще есть время. Неважно, что у вас было в прошлом и почему вы разбежались. Сейчас она единственная, кто сможет тебе помочь...

Меткие и четкие, как выстрел снайпера в грудь, слова доносятся в унисон с монотонными, надоедливymi шагами. И каждый – отбивается резкой болью в моих висках.

– Не вариант. Забудь, – с трудом вклиниваюсь в незатихающую какофонию звуков.

Усталым взмахом руки прошу брата присесть. Мы с Константином не общались лет десять. Или двадцать... Хотя кого я обманываю? Всю сознательную жизнь! В последний раз пересекались, когда он в подгузнике под стол пешком ходил и был элементарно не в состоянии послать меня куда подальше. Как только научился говорить, то наверстал упущенное. Оборвал все связи и со мной, и с отцом, который жил на две семьи и изменял нашим матерям одновременно. Братья по крови, мы долго ненавидели друг друга. Ровно до этого дня, когда я вынужден был обратиться к нему за помощью.

Время собирать камни. Не думал, что оно наступит так рано.

– Отбрось свои принципы и гордыню, Виктор! Не до них

сейчас, – рухнув в кресло напротив и заставив меня поморщиться от грохота, Костя продолжает отчитывать меня так, будто это он старший брат, а не я. Хотя у нас разница всего в пару лет. – Подумай, что будет с твоими детьми? Отца больше нет, родственникам ты не доверяешь, никого к себе не подпускаешь, – перечисляет и стучит пальцем по столу в такт каждому пункту. – Или близнецы останутся одни, или с матерью. Что лучше, по-твоему?

– Ты хочешь, чтобы я сыновей суррогатке доверил? Или, может, донору яйцеклеток? – не выдержав, выпаливаю на одном выдохе. – Сказал же: не вариант. Зачем роешь глубже?

Вижу, как его брови ползут на лоб от удивления, а губы сжимаются в тонкую линию. Нахожу несомненный плюс в его шоковом состоянии: он хотя бы на секунду заткнулся, и на том спасибо. Передохну от шума, пробирающегося в мозг и рвущего его на ошметки. К сожалению, благодатная тишина сохраняется недолго, потому что настырный юрист продолжает допрос:

– На черта такие сложности? Чем тебе естественный путь не угодил? – упирается локтями в стол, отчего дерево чуть слышно поскрипывает. Но и этого хватает, чтобы я мысленно взвыл от дискомфорта. – Сомневаюсь, что у тебя были проблемы с женщинами. За твои деньги любая бы...

Не выдержав, я подаюсь вперед, опускаю голову и массирую пальцами переносицу. Сегодня мне особенно хреново. Тяжелый, нервный день. Вздохнув с грудным рычанием, вы-

ставляю свободную ладонь, приказывая брату хотя бы на пару мгновений умолкнуть. Невозможно мыслить здраво в такой давящей обстановке.

– Не нужна мне была любая, – после паузы устремляю на Костю усталый взгляд. – Ни одну бабу возле себя не видел. Так, пустышки для развлечений. А детей хотелось, да и я не молодец. Вот и решил прибегнуть к современным репродуктивным технологиям. Как видишь, не зря спешил, – развожу руками и криво усмехаюсь. – Успел.

– Успел, – соглашается тихо и берет рамку со стола. Задумчиво изучает фотографию, на которой запечатлены два моих сына. – Сколько им?

– Пять, – выдавливаю из себя. – Даня и Леша, – заочно знакоблю Костю с его племянниками, которых он ни разу в жизни не видел.

– Прикольные пацаны, на тебя похожи. Надеюсь, только внешне, – добавляет с сарказмом и издает хриплый смешок.

– Пока непонятно, – исподлобья зыркнув на хама, выхватываю у него рамку, а потом бережно возвращаю ее на место, смахивая с изображения несуществующую пыль. – Характеры только формируются. Кто из них вырастет, я не знаю. И, судя по всему, уже не узнаю. Лишь бы людьми хорошими стали, – задумчиво умолкаю, изучаю улыбчивые лица близнецов.

Вот главное достижение в моей жизни. Не бабло, не женщины, не компания. Все тлен. Только дети имеют значение.

Продолжение фамилии, рода. Наследники бизнеса. Которые внезапно оказались беззащитны перед жестоким окружающим миром.

– Какие прогнозы? – Костя невозмутимо открывает папку, и оттуда выскальзывают снимки МРТ, планируя над полом.

– Одному богу известно, – хмыкаю и наклоняюсь за своими результатами, ничего при этом не чувствуя. Небрежно бросаю снимки на стол. – Врачи дают не больше года. Как раз достаточно, чтобы привести дела в порядок, – успокаиваю сам себя, но внутренне бунтую.

Я против, мать вашу!

Мало. Чертовски мало.

Почти сорок лет гонки. Я впахивал как проклятый, расширяя строительную фирму отца, возводил целую бизнес-империю. Круглосуточно пропадал на работе, сбрасывал стресс с секретаршами, без отрыва от производства. Экономил каждую минуту. Был зациклен на деле, на преумножении капитала. А пожить – как-нибудь потом.

Дети были с няньками и лучшими воспитателями, а я... Я же ради них и старался, черт возьми! Строил прочный фундамент для их будущего.

Контролировал все, планировал каждый шаг. На годы вперед. И вдруг... Сошел с дистанции, не добежав до финишной прямой.

Дом мечты оказался не каменным, а карточным. Без меня он развалится в любой момент.

– Мда-а, – не скрывая эмоций, тянет Костя и захлопывает папку, сминая бумаги. – Перепроверился бы... За границей или хотя бы в другой клинике, – барабанит пальцами по обложке с моими инициалами и фамилией.

– Позже. Если успею, – отмахиваюсь. – Сначала с наследством надо вопрос решить, чтобы дети не остались ни с чем. Они в приоритете.

– Что ж, тогда я вижу только один выход, – брат выдерживает паузу, с прищуром глядя на меня. Киваю ему, чтобы продолжал. – Тебе надо жениться в короткие сроки.

– Свихнулся? – вздергиваю брови. – На ком? И главное – на хрена?

– Кандидантку на эту незавидную роль ищи сам. Я согласился выступить в роли твоего юриста, но не сводника, – насмехается он. – Что касается второго вопроса... Это лучший вариант, – сцепив руки в замок, наклоняется ко мне и произносит заговорщически: – Жена не вызовет подозрений у родственников, от которых ты хочешь держать все в тайне до последнего. Они решат, что влюбился старый пень. Седина в бороду бес в ребро. Обычное дело, – отрыто издевается, но дальше переходит на серьезный тон: – Законная супруга станет первым наследником и опекуном детей. С брачным контрактом я помогу, а потом... – сглатывает, разрывая зрительный контакт. – Прослежу, чтобы она ничего не начудила до совершеннолетия пацанов. Твоя задача – найти нормальную женщину, которая любит детей и сможет ладить с ними.

Уверен, любая пойдет на такие условия за вознаграждение.

– Мне не нужна любая, – повторяю машинально.

– Это я уже понял. Ты не для себя выбирай, а для детей. Ей рядом с ними быть, так что, прежде всего, она должна понравиться им. А ты потерпишь, – резонно отмечает Костя.

Испепеляю его долгим, пристальным взглядом. Размышляю. С каждой секундой понимаю, что мне ни хрена не нравится его идея. Но в то же время... других нет. И обратиться больше не к кому. Костя хоть и баран упертый, однако честный и принципиальный. Он не предаст, в отличие от остального моего меркантильного окружения.

– Подумаю, – неоднозначно отвечаю.

– Время, – он стучит пальцем по циферблату наручных часов. Действительно, время для меня непозволительная роскошь. И за деньги его не купить.

Зажмуриваюсь от противного сигнала телефона. Надо бы сменить рингтон на более тихий и мелодичный, чтобы не превращал мой и так нездоровый мозг в желе. А впрочем... Для этого контакта вполне подходит.

– Слушаю вас, Лилия Владимировна, – нарочито вежливо отвечаю на звонок, а у самого зубы сводит от предвкушения нашего дальнейшего общения.

Замечаю любопытный взгляд Кости и, встав с кресла, отхожу к окну.

– Виктор Юрьевич, сегодня у вас опять не получилось приехать в центр? – требовательно чеканит.

Лилия занимается с моими сыновьями английским в детском центре развития. И там же подрабатывает штатным психологом. Молоденькая девчонка, недавно после института, а ведет себя как педагог со стажем. Невыносимая зануда, но именно с ней мальчишки добились хороших результатов в изучении языка, что пригодится им в будущем: и в карьере, и в жизни. Так что мне приходится терпеливо выслушивать ее претензии и поучения.

– Нет, Лилия, я занят. Ребят должен забрать Игорь, – покосившись на часы, выглядываю во двор и ищу на территории автомобиль моего водителя. С удовлетворением отмечаю, что его нет, а значит, он выехал за детьми.

Но что тогда хочет от меня эта неугомонная? Благо, головная боль немного притупилась, иначе сложнее было бы держать себя в руках.

– Я хотела бы побеседовать с вами о поведении мальчиков, – приятным, тонким голосом несет абсолютную хрень. – Они стали еще более беспокойными и конфликтными. У вас все нормально в семье? С точки зрения психологии это...

– Что они натворили на этот раз? – перебиваю ее лекцию. Развернувшись спиной к окну, упираюсь бедрами в подоконник.

– Разбили вазу и залили кресло водой, но я не об этом...

– Из-за мокрого стула весь сыр-бор? – тяжело выдыхаю. – Сбросьте сообщением номер карты и сумму, чтобы покрыть расходы. Я переведу вам деньги в течение десяти минут. И

накину за моральный ущерб. Надеюсь, конфликт будет исчерпан.

– У меня нет конфликта с вашими замечательными сыновьями, а вот у вас, кажется, есть, – по интонации чувствую, что она злится. – В общем, я не отпущу Данилу и Алексея с незнакомым мужчиной...

– Игорь – наш водитель, и он постоянно их встречает, – начинаю закипать.

– Это против правил. Я верну детей только их законному представителю, то есть вам. Не переживайте, мы подождем, пока вы разберетесь с делами. У меня все равно сегодня больше нет занятий, – упрямо заявляет. И внезапно смягчает тон, но предназначен он не мне. – Что скажете, мальчики, посидите со мной еще немного? – ласково обращается к детям. Черт бы ее побрал, к МОИМ детям.

– Ур-ра! – вопят маленькие предатели.

Лилия нагло отключатся, а я кручу в руке телефон, гипнотизируя потухший дисплей.

– Случилось что? – обеспокоенно интересуется Костя.

– Одна пигалица моих детей в заложники взяла. Надо ехать, позже договорим, – бросаю на ходу, а сам спешу покинуть дом. – Скоро центру придется искать новую англичанку, а заодно и психолога, – недовольно выдыхаю.

– Зато как ожил, – усмехается брат, когда мы рассаживаемся по своим машинам.

– Да она с того света достанет, – бурчу себе под нос, и

Слова тонут в гуле заведенного двигателя.

Глава 2

Лилия

– Неприятнейший тип, – произношу беззвучно, одними губами, чтобы его сыновья не услышали, и обрываю связь.

Верно говорят, что родителей не выбирают. Но как у таких озорных, жизнерадостных детей мог оказаться настолько холодный, суровый отец – для меня загадка. Правда, судить я могу лишь по голосу, стальному, властному, с повелительными нотками, от которых мороз по коже. Вживую я не видела Воскресенского ни разу, потому что мальчиков всегда забирает или няня, или водитель. Мы общаемся только по телефону, да и то по моей инициативе. Я с боем достала его номер у директора центра и, кажется, ошарашила мужчину, привыкшего все держать под контролем.

Пары коротких звонков, ведь дольше он меня не выдерживает, более чем достаточно, чтобы составить его психологический портрет. Холерик по темпераменту. Сухарь, делец и привык все проблемы решать при помощи денег. Жесткий мужчина.

С другой стороны, я понятия не имею, какой он по отношению к детям. Боюсь, Воскресенский и сам этого не знает, ведь почти не находится с ними и уделяет им катастрофически мало внимания, словно они не помещаются в его плотном бизнес-графике.

– За нами папа приедет? – с удивлением вскидывает черную бровку Даня. На дне зрачков вспыхивают искорки.

– О! – округляет глаза Леша и, бросив все свои дела, превращается в слух. Смешно складывает ручки и вытягивает шею, как суслик. По комплекции он высокий и худенький, в отличие от сбитого, крепкого брата.

– Да. А вы его боитесь? – аккуратно уточняю, наклонившись к ним.

– Нет, он нас не наказывает, – Даня улыбается хитро и победно.

Ясно, полная свобода в ее худшем проявлении. Анархия при тиране. Парадокс. Малыши избалованы и делают, что хотят, пока их отец строит подчиненных. Неудивительно, что их так шокировала моя строгость на занятиях и тот факт, что взрослых надо слушаться.

– Папа нянек наказывает, – невозмутимо добавляет Леша, и я закашливаюсь от двусмысленности его фразы.

– И дает им денег, – добивают меня эти наивные ребята.

Черт знает этого Воскресенского. Чем он занимается в свободное время, как строит личную жизнь... Если не ошибаюсь, он не женат. Однажды мальчишки обмолвились, что мамы у них нет.

Бедные дети. Наполовину сироты, а их отец занят... няньками. Нелицеприятная картинка вырисовывается. Добавляет минусов мужчине, к которому у меня заочно душа не лежит.

– Ладно, хватит, – шумно выдохнув, я выпрямляюсь и убираю за уши пряди, выпавшие из тугого хвоста. – С вашим отцом разберемся лично. И все решим.

Несмотря на твердый тон, я начинаю сомневаться в своих моральных силах. И зачем я только проявила характер? Почему именно сегодня, когда и так весь вечер расписан. Надо попасть к маме на другой конец города, но вместо этого я жду чужого отца.

Выдержу ли я очную ставку с Воскресенским? У меня совершенно нет опыта общения с богатыми, хамоватыми родителями. Я не могу привыкнуть к тому, что им все дозволено. И тем более, принять это.

Поглядываю на близнецов и вспоминаю главную причину. Я делаю все это ради них. Потому что чувствую их одиночество, понимаю истинные мотивы их безобразного поведения, а еще... тянусь к ним. Странное ощущение, будто именно я им нужна.

– Занимайте свои места, разучим один веселый стишок, пока ждем вашего папу, – взмахом руки указываю на низкие детские столики с английским алфавитом на поверхности.

Мебель в кабинет я выбирала сама, хоть директор центра заверял меня, что подойдут стандартные парты. Еле переубедила. Я нацелена на то, чтобы увлекать детей и обучать играя, а не заставляя зубрить материал из-под палки. Все-таки с малышами работаю. И отношусь к ним, как к родным. Особенно к этим несносным братьям-близнецам с хитрыми,

кофейными глазами.

– Лиля, мы устали, – по-свойски обращаются ко мне мальчишки и кривятся от перспективы продолжать учебу.

Понимаю, что они правы. И так отлично поработали сегодня, проявили себя лучше остальных детей в группе, будто подсознательно боролись за мое внимание. Но я и так искренне восхищаюсь ими. У маленьких Воскресенских на редкость хорошее чувство языка. Они схватывают все на лету.

– Согласна, мы с вами заслужили отдых, – киваю и мысленно ругаю себя за то, что бросила вызов их отцу. Будто своих проблем мало! Но отступить, кажется, поздно. Да и для этого придется опять звонить ему, слушать снисходительное: «Да, Лилия Владимировна».

Передернув плечами, я кладу телефон поверх яркого учебника по английскому для самых маленьких, а сама, забывшись, обессиленно падаю в кресло.

– О нет, – обреченно простонав, подскакиваю с места.

Оборачиваюсь на мокрое сиденье, которое залили водой из вазы маленькие хулиганы, и провожу рукой по своей бежевой юбке-карандаш. По всей площади сзади... расплзается большое влажное пятно, которое невозможно не заметить на костюмной ткани.

– Оу ноу-у-у, – тянут Леша и Даня по-английски, но несинхронно и специально с русским акцентом.

Я готова завывать с ними в унисон. Замечательно подгото-

вилась к встрече с самым грозным родителем в нашем центре. На «пять с плюсом»!

– Теперь вы видите, к чему приводят ваши шалости. Надеюсь, вы сделаете правильные выводы, – важно обращаюсь к мальчикам, которые рассматривают меня с открытыми от неожиданности ртами. Пытаюсь воззвать к их совести. – Что скажете?

Упираю руки в бока, принимаю строгое выражение лица и буравлю их испытывающим взглядом, хотя это нелегко, когда Даня играет бровками, а Леша виновато морщится. Ожидаю услышать от них что-то вроде: «Извините» или «Мы больше не будем». Но ответ ввергает меня в состояние шока:

– Папа купит новую юбку.

Округляю губы в немом возмущении, но тут же стискиваю их.

Родителей не выбирают, Лиля! Не забывай эту истину! Придется работать с тем, что есть.

– Не все в нашем мире измеряется деньгами, – поучительно чеканю, подняв палец вверх.

«Но многое...» – добавляю мысленно, с тоской покосившись на телефон. Дисплей моргает, оповещая о входящем сообщении.

Стоит мне прочитать имя контакта, как все внутри привычно замерзает, а вдоль позвоночника проносится липкий холодок, словно кто-то закинул ледышку за шиворот. По

воле судьбы приходится общаться с человеком, которого я предпочла бы никогда не знать.

«Когда зарплата? Жрать нечего дома», – каждая буква пропитана необъяснимой ненавистью, словно я виновата во всех бедах. Я и так отдала слишком многое...

«К тебе тот же вопрос. В шкафу лапша быстрого приготовления, а маме я в кафе по пути что-нибудь возьму. Буду поздно», – печатаю текст дрожащими от волнения и гнева пальцами.

Поздно. Глубокой ночью, когда он будет спать. Чтобы не общаться и вообще не пересекаться.

«Бездельница», – летит в ответ. Несправедливо, но мне плевать. Лет с семнадцати, когда для меня перестало существовать его «авторитетное» мнение. Разбилось о жестокую реальность.

– Ли-иля, – зовут меня мальчишки, и настроение мгновенно меняется, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов. Из дождливой ночи превращается в яркий, солнечный день. Все это благодаря двум маленьким лучикам света. – Знаешь, что мы придумали? – лукаво улыбаются.

Их коварный, хитрый вид не сулит ничего хорошего, и безопаснее было бы заранее им отказать, но это не в моих правилах. Дети хотят быть услышанными – вижу это по огонькам в глазах, нетерпеливому перетаптыванию на месте и нервному потиранию ладошек. Вопреки здравому смыслу, я подхожу к озорникам, беру их за ручки и уточняю с теплой

улыбкой:

– Что же?

– Мы поиграем с папой! – подпрыгивают на месте, радостно хихикая.

– Боюсь, игры с вашим отцом ни к чему хорошему меня не приведут, – хмурюсь, а в голове звучит его стальной, отрывистый тон.

– В прятки! Мы спрячемся, а вы с папой будете нас искать, – высвободив ладошки, радостно хлопают в них. – И подружитесь!

– Нет, плохая идея. Даже не думайте, – грожу им пальцем. – В таком случае мне придется прятаться так, чтобы он меня никогда в жизни не нашел, – нервно хмыкаю. – Я предлагаю вам другую игру, – подмигиваю огорченным мальчишкам.

Отвлекаю их внимание детскими загадками. Попутно нахожу в шкафу развивающие тематические карточки и устраиваю для мальчишек мини-конкурс, кто быстрее найдет лишний элемент. Соревновательный момент, как обычно, срабатывает безотказно.

Пока ребята заняты, я пытаюсь промокнуть юбку салфетками, однако размытый, темный след все равно остается. Благо, внизу в гардеробной висит мой легкий осенний плащ, который прикрывает бедра, так что на улицу выйти смогу. Единственный минус, что придется до вечера гулять мокрой, зато никто этого не увидит. Что касается встречи с Воскре-

сенским, то я просто проведу ее, сидя на рабочем месте.

Немного успокоившись и наметив план действий, я поворачиваюсь к детям.

– Лиля, готово, – восклицают они и бьют кулачками по столу.

– Так, и кто больше заданий выполнил? – лукаво протягиваю, наклоняясь над их партой. Но теряюсь в сложенных стопками карточках.

– А мы вместе делали, – обезоруживают меня неожиданным решением. Настоящая банда.– Так быстрее.

Мельком скользнув взглядом по картинкам, цепляюсь за одну, что лежит сбоку от остальных. Беру ее, растерянно кручу в пальцах, не зная, как реагировать. Потому что в подборке «Семья» мальчишки вычеркнули... маму. Посчитали ее лишней.

– Победила дружба, – сипло выдаю, почувствовав сухой ком в горле, и убираю все со стола. Даю детям раскраски. – Порисуйте пока, – шепчу с тоской, не в силах погасить эмоции.

Леша недовольно морщит носик, но Даня толкает его в бок, после чего они послушно усаживаются на свои места. Склонившись над бумагами, тихонько обводят контуры животных, и в кабинете повисает благодатная тишина, которую нарушает лишь скрип карандашей.

Неужели у двух «энерджайзеров» наконец-то сели батарейки? Подозрительно, но проанализировать их поведение

не успеваю. Отвлекает требовательный стук в дверь. Шагаю к выходу, ожидая увидеть на пороге Воскресенского.

Нервноичаю до дрожи в коленках, однако моя казнь откладывается. Потому что в коридоре стоит их водитель Игорь. Оттеснив его, плотно закрываю за собой дверь, чтобы не мешать детям.

– Я несколько раз повторила, что отпущу детей только с их отцом, – вздергиваю подбородок, скрестив руки на груди.

– Виктор Юрьевич позвонил, – Игорь касается наушника с блютузом. – Сказал передать, что он все еще оставляет вам последний шанс отпустить детей домой. Иначе у вас могут быть проблемы.

Вспоминаю о своей замоченной, испорченной юбке, о графике на вечер, о долгой дороге к маме. Логичнее было бы перенести беседу на другой день. Но я иду на принцип.

– Вот угрожать мне не надо, – мрачно свожу брови и выпаливаю дерзко: – Это я оставляю господину Воскресенскому последний шанс проявить заботу о детях. Иначе отцом-призраком может заинтересоваться опека.

Судя по перекошенному лицу Игоря, я перегнула палку. Откашлявшись, он нажимает пальцем на наушник.

– Виктор Юрьевич на связи был, все слышал. Отключился молча, – тяжело вздыхает, а потом окидывает меня сочувственным взглядом. – Плохой знак. Он в ярости.

– Я дождусь его, – упрямо стою на своем, хотя внутри все дрожит то ли от страха, то ли от гнева. Чистый адреналин

несется по венам.

– Как скажете. Если что, я в машине, – кивнув, Игорь уходит.

Провожая взглядом его широкую спину и мысленно ругаю себя. Что я творю? Мне нужна эта работа, а я рискую потерять ее из-за эгоистичного горе-папаши. Однако шаловливые близнецы мне тоже небезразличны. Я хотя бы увижу их отца, пообщаюсь с ним, почувствую его отношение к детям. Только тогда смогу успокоиться, а пока что душа не на месте.

Дергаю за ручку двери, но она не поддается. Барабаню костяшками по дереву.

– Мальчики, вы случайно закрылись? – стучусь и зову их. В ответ тишина. – Поверните защелку.

Даня и Леша не откликаются, заставляя мое сердце активнее лупить в ребра. Ударяю по двери громче – и осекаю себя, опустив кулак. Упираюсь лбом в прохладное дерево, восстанавливаю сбившееся дыхание.

Несмотря на панику, что цепкими лапами сковывает все внутренности, я стараюсь мыслить здраво. За пару минут с детьми ничего не могло случиться. Скорее всего, они просто балуются.

– Так, ключи, – хлопаю себя по одежде, на которой вместо карманов декоративные обманки, и разочарованно топаю низким каблуком об паркет. Понимаю, что забыла всю связку на столе вместе с телефоном.

Спускаюсь на пост охраны за запасным ключом. Пока де-

журный ищет нужный, я усиленно прикрываю мокрую юбку и беспокойно озираюсь по сторонам, чтобы никто не увидел меня в таком виде. Благо, в холле нет посторонних, а на улице... Бросаю взгляд в окно и прищуриваюсь.

На площадке паркуется автомобиль необычного янтарного цвета. Невольно останавливаюсь на нем, сканирую обтекаемый блестящий капот, значок с ягуаром на нем, идеально чистое лобовое стекло. Как замороженная, наблюдаю, как открывается водительская дверь. Врезаюсь взглядом в мужчину, который выходит из машины. Слежу за каждым его движением, уверенным, величественным и плавным, будто сам царь снизошел до нас. Он поворачивается полубоком, и я концентрируюсь на его волевом профиле.

Не знаю, почему, но продолжаю рассматривать гостя. Губы напряженно сжаты, глаза прищурены, будто готовы поразить молнией каждого, кто посмеет подойти, скулы четко очерчены. При всей внешней угрозе мужчина кажется несчастным. От него веет пустотой и безысходностью. Словно он устал от жизни, а действует машинально, как робот с заданной программой.

– Вот ключ от вашего кабинета, – отрывает меня охранник от созерцания мрачного незнакомца.

– А? – вздрагиваю. – Спасибо!

Выхватив ключ, задом отхожу от поста, пячусь к лестнице и, нырнув на площадку, ретируюсь на свой этаж. Спешу к запертым в кабинете мальчишкам.

Лихорадочными движениями пытаюсь попасть замочную скважину. Трясусь от переживаний, пока поворачиваю ключик, который, как назло, заедает в щели. Повторяю маневр, но уже аккуратнее и нежнее. Наконец, язычок щелкает – и дверь распахивается.

В кабинете... пусто.

– Все-таки спрятались, – замираю на пороге, чтобы осмотреть все помещение. – Ребята! У нас нет времени на игры. Ваш папа будет с минуты на минуту, – уговариваю хулиганов, прислушиваясь к шорохам и сдавленным смешкам.

С прищуром изучаю все углы и парты. Особо скрыться здесь негде, так что я быстро и без труда обнаруживаю место, где притаились братья. Проглатываю улыбку, заметив попку в брючках пыльно-серого цвета, торчащую из-за шкафа с книгами. Вдвоем там поместиться нелегко. Судя по перешептываниям, ребята все еще не могут договориться, как туда влезть.

Расслабившись от мысли, что с детками все в порядке, я решаю немного поддержать их шалость. Поэтому тяну с демонстративной грустью:

– Даня-а, Леша-а, ну, где же вы? Я совсем не могу вас найти! – повторяю то же самое по-английски, чтобы заодно научить их новой фразе. – Я волнуюсь!

Вижу, как вертится попа, а ботиночки суматошно подтягиваются к ней. Прикрываю рот ладонью, чтобы не рассмеяться. И мысленно отсчитываю секунды, прежде чем рассек-

ретить мальчишек. Позволяю им насладиться своей находчивостью.

За спиной звучат чьи-то тяжелые, быстрые шаги, но я не рискую обернуться. Надеюсь, это не тот гость с парковки и направляется он не ко мне. Иначе...

– Значит, сначала вы украли моих детей, а теперь еще и потеряли их? – строгий голос доносится прямо над моей макушкой. На поясницу ложится широкая мужская ладонь, подталкивая меня в кабинет, однако тут же исчезает. – И, простите за бестактность, но что у вас с юбкой? – добавляет довольно вежливо и с оттенком недоумения.

Лучше бы он дальше грубил. Потому что чувствую себя в этот момент отвратительно. Не оглядываясь, я вмиг догадываюсь, кто стоит позади и рассматривает мои мокрые ягодицы.

Вот и познакомились с одним из самых богатых и властных родителей. Надо было прятаться вместе с близнецами.

Глава 3

Виктор

Слепая ярость постепенно затухает, уступая место глубокому замешательству. Озадаченно изучаю застывшую фигуру девушки, которая, если сопоставить все факты, как раз и является несносной учительницей моих детей.

Пока я ехал сюда, казалось, что убить ее был готов. Давненько меня никто так не выводил из себя. Упрямая, вредная, принципиальная и до занудства правильная. Моралистка. Ведет себя так, будто лучше знает, как воспитывать моих детей. Я неидеальный отец, конечно, но стараюсь дать им все, сделать их жизнь комфортной и беззаботной. Особенно сейчас, когда на это не так много времени – и надо просчитать все их будущее наперед.

Как у нее язык повернулся пугать меня опекой? Почему она не боится вылететь с работы? Не в курсе, кто я? И что она вообще делает в коридоре без моих мальчишек?

Вопросов больше, чем адекватных ответов.

В конце концов...

– ...что у вас с юбкой? – выдаю вслух, зацепившись за мокрые пятна.

Лилия резко прокручивается вокруг своей оси, хлестнув выющимися кончиками высокого хвоста по моему носу. Зажмуриваюсь на секунду, а когда открываю глаза – передо

мною уже ее лицо: обычное, ничем не приметное, без грамма макияжа. На нем выделяются лишь большие серебристо-серые глаза и румяные от смущения щеки.

– Ничего, – строго отзывается Лилия и смело выдерживает зрительный контакт. – Так, небольшая неприятность. Здравствуйте, так это вы отец Данилы и Алексея? – окидывает меня внимательным взглядом, неприлично долгим и беззастенчиво препарирующим. Хмыкает, сжимая тонкие по сравнению с накачанными пельменями моих секретарш, неяркие, матовые губы.

Скрестив руки на груди, мысленно ставит мне оценку. Судя по выражению лица, я заслуживаю не выше тройки, да и то с натяжкой.

Плачу ей той же монетой – и, воспользовавшись моментом, тоже оцениваю ее внешность. От хмурого лица спускаюсь к скромной бежевой блузке, наглухо застегнутой на все пуговицы и аккуратно заправленной за пояс скучной бежевой юбки. На миг стопорюсь на острых коленках, едва выглядывающих из-под края дешевой костюмной ткани, на худых, ровных ножках, обтянутых капроном.

Вздохнув, поднимаю взгляд. Типичная училка. Вчерашняя студентка с синдромом отличницы. Такими не становятся, а рождаются. Строгость и педантичность впитывают с молоком матери. Занудство заложено в генетическом коде.

Тем не менее... именно такой педагог нужен моим детям. Авторитетный, несмотря на юный возраст. Становится по-

нятно, почему мальчики ее слушаются и выполняют все задания. Осталось выяснить, куда Лилия их от меня спрятала.

– И вам не хворать, – мрачно бубню. – Да, я их отец. У меня встречный вопрос. Где мои дети? – неосознанно повышаю голос, но перед моим носом возникает указательный палец, угрожающе взмахивает и почти ложится на губы, чтобы сомкнуть их.

Лилия готовится шикнуть на меня, как на одного из непослушных учеников, но теряется, когда я перехватываю ее кисть.

– Не кричите, они здесь, – невозмутимо ведет плечиком и кивает назад.

Осторожно отодвинув маленькое, хрупкое девичье тело в сторону, я захожу в кабинет. Пристально сканирую каждый угол, но по-прежнему никого не вижу.

– Вы сказали, что не можете их найти, – оборачиваюсь к пигалице, которая, видимо, намеренно издевается надо мной. Вопросительно выгибаю бровь.

– Всего лишь игровой момент, – продолжает испытывать мою выдержку. Эта девушка надоедливее, чем головная боль. Хочется закинуться таблетками, чтобы она исчезла, но от Лилии нет лекарства.

– Знаете, чем могут закончиться такие игры? – цежу сквозь зубы, надвигаясь на нее.

Она упрямо стоит на месте, даже не шелохнувшись. Не отступает, не пятится к двери, смело выдерживает мой взгляд.

Лишь чуть заметно вжимает голову в плечи, когда я нависаю над ней и смотрю с высоты своего роста. А разница у нас немаленькая. Лилия кажется крохотным воробышком по сравнению со мной. Однако дерзко вздергивает подбородок и произносит тихо, но с нажимом:

– Могу лишь догадываться, исходя из ваших фраз и угроз, которых вы для меня не жалеете, – пыхтит недовольно, и ее сбивчивое, горячее дыхание щекочет мне подбородок. – Однако советую вам прежде собрать доказательства того, что я нарушила какие-то правила или нанесла вред вашим детям.

– Лилия Владимировна, – сурово зову.

– Виктор Юрьевич, – парирует, отзеркалив мой тон.

Сбоку доносится грохот, вслед за которым из-за шкафа кубарем выкатываются двое чертенят, в которых я не сразу узнаю собственных сыновей. Взъерошенные, в пыльных следах, раскрасневшиеся. Смеются и в то же время волнуются, что сами себя рассекретили.

– Ай, Леша! – возмущается Даня, вставая и оттряхивая брюки. – Чего толкаешься?

– Потому что ты толстый! – фыркает второй.

Лилия, как по волшебству, оказывается рядом с ними. Реагирует быстрее меня. Пока я нахожусь в ступоре, она уже суетится возле мальчиков: аккуратно равняет их смятую одежду, заправляет выбившиеся из пояса брюк рубашки. Проводит ладонями по макушкам, приглаживая волосы. Нашептывает им что-то, а они послушно кивают.

Берет их за ручки и только потом поворачивается ко мне. Не успевает стереть улыбку с лица, и я отмечаю, что Лилия довольно приятная в этот момент. Живая, настоящая, сияющая. Секунда – и она вновь превращается в деловую серую мышь.

– Ваши сыновья в целости и сохранности, – сообщает очевидное. – Так что ваши претензии беспочвенны. Разумеется, извинений я не дождусь от вас, – нагло добавляет.

– Конфликт будет исчерпан, когда я заберу детей домой. Вы оторвали меня от дел, Лилия Владимировна. Мне пришлось перестраивать свои планы.

Пока девушка морщится от моих слов и краснеет от гнева, в нашу перепалку вмешиваются дети.

– Привет, папа, – активно машут мне ручками и расплываются в теплых, искренних улыбках. – Мы с Лилей тебя очень ждали, – выпаливают радостно, заставляя меня почувствовать укол вины.

– Привет, мальчишки, сейчас домой поедem, – подмигиваю им, подхожу ближе и протягиваю руки, но между нами становится Лилия.

– Мальчики, подождете, пока мы с вашим папочкой поговорим? – мило щебечет, испепеляя меня серебристым и опасным, как ртуть, взглядом.

– Хорошо, поговорим, – выдавливаю из себя, сдерживаясь из последних сил, чтобы не пугать мальчишек. Я не привык при них ругаться, но Лилия невыносима и провоцирует ме-

ня.

Слежу, как она усаживает Даню и Лешу за парты, выдает им какие-то книжки, листки бумаги, карандаши. Жду, что они взбунтуются, начнут капризничать, топтать ногами, как поступают с няньками, но... Мои хулиганы принимают образ ангелочков. Наклоняются над столами, рисуют что-то, переговариваются шепотом, чтобы не мешать нам.

– Хм, – не скрываю удивления.

Отхожу к преподавательскому столу, отодвигаю кресло. Устав препираться, собираюсь занять удобное место и просто потерпеть скучную лекцию дотошной училки. Как когда-то в школе. Сделаю это ради сыновей, которые с ней поладили и нашли общий язык.

– Нет, стойте, – неожиданно вскрикивает Лилия.

– Какого?.. – осекаюсь на половине фразы и на всякий случай замираю, не представляя, чего ожидать от ненормальной англичанки.

Она подлетает ко мне, толкает кресло, буквально выбивая из-под меня, и оно на колесиках откатывается назад, к интерактивной доске. Останавливается в паре сантиметров от экрана. Четко и метко, будто Лиля идеально рассчитала и траекторию его движения, и свою силу. В смятении наблюдаю за ее дальнейшими действиями, хмурюсь и жду объяснений.

– Сядьте там, – указывает на небольшой приземистый стульчик. По сравнению с моими габаритами он кажется иг-

рушечным.

Не двигаюсь и не свожу с нее взгляда, вопросительно поднимая бровь. Слов нет, эмоций – ноль, как и трактовок происходящего.

К такому хамскому обращению я, разумеется, не привык, так что в моем арсенале не предусмотрено подходящей реакции на это безобразие. Была бы мышь подчиненной, уволил бы не задумываясь. В моей строительной компании все на цыпочках передо мной ходят, и уж точно никому бы не взбрело в голову указывать мне место.

– С какой стати? – глухо произношу.

– Виктор Юрьевич, – вздыхает Лиля, скрещивая руки на груди. – Неужели вы настолько невнимательны и равнодушны, что не запомнили, о чем я говорила вам по телефону?

Делаю глубокий вдох, из последних сил пытаюсь не взорваться. Покосившись на детей, некоторое время наблюдаю за ними, успокаиваясь и убеждая себя потерпеть еще немного. Мальчишки напитывают меня энергией и насыщают умиротворением. Однако стоит мне повернуться к Лилии, как эмоции накатывают новой волной. Шторм внутри меня не измерить ни по какой шкале. Бушует бурно и неистово, заставляя забыть обо всем, даже о головной боли.

– Я здесь не для того, чтобы ребусы разгадывать, – тихо цежу, стараясь не тревожить детей. Оказались бы мы с Лилей наедине, ей бы не поздоровилось. Но обстоятельства диктуют быть вежливым.

– Вы ведь сами спрашивали, что натворили ваши сыновья, а на ответ вашего интереса уже не хватило? – донимает меня как специально.

Споткнувшись о мой пылающий взгляд, она, наконец, сдается. Разворачивает кресло к свету, демонстрируя лужу на сиденье. Пазл складывается в голове в неоднозначную картинку. С одной стороны, я понимаю, откуда на одежде Лили темные пятна, но с другой – нехотя признаю, что она спасла меня от такой же мокрой участи.

Надо бы поблагодарить ее, однако я не умею признавать ошибки. Потому что обычно их не совершаю.

– В таком случае вы тоже особой внимательностью не отличаетесь, – киваю на ее юбку и упираюсь бедрами в край стола. Лиля воспринимает мои слова и позу в штыки, отодвигает бумаги и книги, но помалкивает. Не прогоняет меня со своего рабочего места. – Сколько?

– М-м-м? – непонимающе мычит и хлопает ресницами.

– Я оплачу стоимость кресла и вашей испорченной юбки, – машинально достаю портмоне. На глаз оцениваю костюм Лили, прикидываю сумму в уме и киваю сам себе. Имеющейся у меня налички с лихвой хватит на то, чтобы переодеть ее полностью, а на сдачу возместить ущерб за это дешевое кресло.

– Мне не нужны ваши деньги, – неожиданно отшатывается она, будто я споры Сибирской язвы собираюсь распылить. – Не пытайтесь откупиться от ответственности, Виктор

Юрьевич, – искристым серым взглядом обращает меня в пепел. И поджимает губы.

– Довольно нотаций. Если вам от скуки не с кем пообщаться и вы отвели эту сомнительную честь мне, то напрасно. У меня нет времени вести светские беседы, – передергиваю плечами.

– Не льстите себе. Я еще по телефону убедилась в том, что собеседник из вас неважный, – продолжает дерзить, но делает это ангельским тоном, что раздражает еще сильнее. – Однако вы правы, не смею вас задерживать. Я выводы сделала. Мальчишки? – ласково зовет их, и они, как по команде, поднимают головы.

Да она чертова заклинательница непослушных детей! Не перестаю удивляться, наблюдая за ними. Моих маленьких хулиганов будто подменили! Они, раскрыв рты, как только вылупившиеся птенцы, заглядывают в глаза учительнице и впитывают каждое ее слово. Хотя это не помешало им залить ей рабочее место водой. Может, теперь они извиняются за свою шалость таким необычным образом, ведь, как и я, не знают слова: «Прости».

Сложно разгадать их план, потому что ни с одной няней ничего подобного не было. Мальчишки сдают каждую с потрохами, указывая мне на малейший проступок, да еще и сгущают краски, добавляя что-нибудь от себя, на что фантазии хватает.

С Лилей иначе... Ни одного слова против нее не сказали.

За все время, пока ходят на занятия, только хорошие отзывы.

– Собирайтесь, – Лиля отпускает нас, однако я чувствую подвох. Решила отказаться от обучения моих детей? Послать меня куда подальше?

Как бы не хотелось признавать это, но терять такого педагога нельзя.

– Нет. Порисуйте еще, мы не закончили, – часть фразы адресую детям, а ее «хвост» летит в Лилю. Беру ее под локоть, отвожу в сторону.

– Вам же плевать, – шепотом укоряет меня.

Мы стоим друг напротив друга, на расстоянии вытянутой руки, держим зрительный контакт.

– Неправда, – спорю грозно, а следом исправляюсь: – Точнее, возможно, раньше я вас недооценивал. Однако прямо сейчас воспылал желанием вас выслушать, – делаю еще шаг к ней, приближаясь практически вплотную. И спрашиваю еле слышно: – В чем ваш секрет? Как вам удастся так ладить с моими детьми? Они никому не подчиняются.

– Просто я не требую от них подчинения, – снисходительно ухмыляется, заставляя почувствовать себя глупым пацаном. – Они не цирковые собачки, а я не дрессировщица. Де-

тей нужно уважать и слышать, тогда они ответят вам тем же.

Запрокинув голову, задерживает взгляд на моем лице, беззастенчиво изучая каждую черточку и морщину, считывая мимику. Препарирует меня без скальпеля, ищет знак, что я понял и принял ее посыл. Привычно я принимаю каменное выражение, даже бровью не веду, усложняя ее задачу. Лезть внутрь меня не надо – нет там ничего хорошего.

– Вы об этом хотели поговорить? – разрываю некомфортную паузу.

– Да. Вашим детям остро не хватает заботы, и своими шалостями они пытаются привлечь внимание. Прежде всего, ваше, – лепечет одними губами, чтобы ни один слог не достиг ушей мальчишек. Ни на шаг не увеличивает дистанцию между нами, и наша деловая беседа становится все больше похожей на интимные перешептывания. – Если я правильно поняла, у них нет матери...

– Не ваше дело, – отступаю назад, когда ее близость начинает душить.

Она как спрут – окутывает меня щупальцами, присасывается, впрыскивает парализующий яд под кожу. При чем проводит свои убийственные манипуляции со сдержанной, доброй улыбкой.

Делаю еще шаг, ослабляю ворот рубашки, но воздуха все равно не хватает. Чувствую, как по пульсирующему виску ползет ледяная капля пота, смахиваю ее пальцами.

– Вам сложно, я понимаю, – не может угомониться Ли-

лия. – Вам приходится выполнять роль обоих родителей. Вы стремитесь обеспечить сыновей, вырастить их и воспитать хорошими, успешными людьми, – каждым пунктом попадает метко в цель. – Уверена, вы очень стараетесь, но... Чужие люди, няньки и деньги никогда не заменят родного отца.

Не знаю, от чего меня триггерит больше: от ее правильных слов, ковыряющих душу, от болезненных советов, будто она подслушала мой недавний разговор с братом, или от тепла маленькой женской ладони, что вдруг ложится на мое плечо как жест поддержки или... жалости.

– Понимаю, о чем вы, учту, – выщеживаю из себя как можно спокойнее, чтобы скорее закончить наш диалог. Убираю ее руку, возвращаюсь к столу, надеясь отвлечься на легкий учительский беспорядок, царящий там.

Лилия опять оказывается рядом, будто преследует меня, тянется к вороху бумаг, достает пару листочков. Улыбнувшись, расправляет помятые уголки, а потом вручает мне. Опускаю взгляд и задумчиво изучаю английские буквы, выведенные кривовато. Узнаю почерк моих сыновей, замечаю рисунки на полях и усмехаюсь.

– Напоследок немного словесных поглаживаний. Не могу отпустить вас злым и мрачным, – неожиданно заявляет Лиля, мягко и довольно.

В очередной раз вынуждает меня растеряться. Какие еще «поглаживания»? Что она задумала? Какая же неугомная девушка. Все-таки сказывается возраст – у нее до сих пор,

видимо, детство в одном месте играет. Поэтому с мальчишками на одной волне.

– Кхм, что? – на миг оторвавшись от листков, скептически смотрю на эту сумасшедшую.

– Нельзя закачивать разговор на негативной ноте. В таком случае останется ощущение безысходности и беспросветной тьмы. Нам ведь этого не нужно? – задает наводящий вопрос, но я лишь выгибаю бровь и критически морщусь. Лиля отвечает сама: – Не нужно! Поэтому со своими воспитанниками я всегда поступаю так: сначала указываю на ошибки, а под конец хвалю. Ведь всегда и во всем можно найти что-нибудь положительное.

– Я не ваш воспитанник, – складываю бумаги и прячу их в карман брюк. – Обойдусь без похвалы, мне вашей лекции хватило, – не выдержав, пожимаю ей руку, намекая, что пора прощаться, но она выдергивает пальчики из моей хватки.

– Так я и не вас хвалить буду, – ведет плечом и оглядывается на мальчишек. – Вы не заслужили, а вот они... да, – поманив их пальчиком, поворачивается ко мне. – У вас очень умные и способные дети. Хватают все на лету. Такое ощущение, что чувство языка у них в крови. Скажите, в вашей семье случайно не было учителей английского, других филологов или...

– Не дай бог, – отмахиваюсь.

Лиля закусывает губу, осекается и умолкает, но не подает вида, что обиделась. Однако со мной больше не говорит на-

прямую, а обращается исключительно к детям:

– Даня и Леша, покажете папе, чему вы сегодня научились?

Собственные сыновья продолжают удивлять меня. После легкого, как взмах волшебной палочки, жеста Лили они начинают собирать раскраски и карандаши, прячут их в выдвижные шкафчики, приводят столы в порядок, а потом семенят к ней. Дома мои хулиганы ни одной игрушки на место не положили – все за ними подчищают няньки и уборщица. Иногда и охране работы достается.

То, что я вижу сейчас, не укладывается в голове. Кто эти дети? Откуда взялись такие кроткие и смиренные овечки? На самом деле, они те еще волчата... Но не с ней.

– Держите маркеры, – забывшись, Лиля поворачивается ко мне мокрой попой, аккуратной, округлой, четко очерченной под прилипшей тканью.

На миг дезориентирует меня, зато напоминает про должок, который не захотела брать деньгами. Не учла, что я всегда плачу по счетам.

Пока она воодушевленно озвучивает простые задания, а ребята старательно выводят английские буквы на доске, я краем глаза слежу за ними, а сам набираю сообщение Игорю: «В ближайшем бутике купи юбку. Привези сюда. Срочно».

Ответ прилетает незамедлительно: «Размер?»

Исподлобья сканирую фигуру Лили. Она далеко не модель, но и не толстушка. Местами – очень даже ничего. Под

скучным нарядом училки сложно разглядеть и оценить весь потенциал, хотя он у нее определенно есть.

Словно почувствовав мой исследующий взгляд, девушка оборачивается. Заметив гаджет в моих руках, мгновенно мрачнеет и разочарованно вздыхает. Кажется, еще секунда – и даст мне линейкой по пальцам.

«Обычный размер», – пишу быстро. Подумав, добавляю: «Возьми что-то универсальное. Для Лилии. Пацаны ей юбку испортили».

Прячу телефон, поймав на себе косой, осуждающий взгляд. Развожу руками, демонстрируя пустые ладони. И выдыхаю с облегчением, когда Лиля возвращается к доске. Веду себя как ученик, пойманный на списывании. Пора завязывать со школьной ностальгией, ни к чему хорошему она меня не приведет. Проблем выше головы, а я теряю время здесь.

– Молодцы, – подхожу к сыновьям и, еще до того как увидеть задание, ободряюще треплю их по макушкам. Поддерживаю, несмотря на результат. – Действительно молодцы, – тяну с хрипотцой, удивленно читая итог их с Лилей работы.

Мои дети правда такие смышленные? Им же всего пять лет.

– Предыдущие педагоги утверждали, что они не воспринимают информацию, – выпаливаю на автомате, не отпуская от себя мальчишек, которыми сегодня по-настоящему горжусь.

– Вас обманули, – нежно смеется Лиля, суетясь у доски. –

Значит, кто-то не умеет ее правильно подавать. Нельзя недооценивать детей, – заключает важно.

Невозмутимо возвращается к уборке, а Даня и Леша спешат ей помочь. Они выглядят так, будто и есть настоящая семья, в которой я... лишний. Неожиданный поворот. Надо забирать своих детей, пока Лиля их не присвоила окончательно. Впрочем, она сама еще ребенок. Прячет наивность и жизнерадостность под маской строгости и серости.

Прощаемся без стычек и эмоций, вполне добродушно, что можно считать временным перемирием. Перед уходом я все-таки незаметно оставляю на столе стопку купюр – выгребаю из бумажника только крупные, чтобы не мелочиться и не задеть девичью гордость. Сомневаюсь, что Лиля примет деньги адекватно, однако с моей стороны это обычная благодарность за услуги и помощь. Судя по чересчур скромному внешнему виду, они ей не помешают.

Покидаю кабинет первым. После недолгой заминки в коридор вываливаются дети, толкая друг друга и пересмеиваясь. Лиля больше не появляется, да и черт с ней. Надеюсь, после сегодняшней встречи она утомонится и больше не будет вызывать меня в центр. Ей явно не понравилось наше общение, впрочем, как и мне.

– Папа, это тебе от Лили, – тихонько зовет меня Леша, когда я пристегиваю его в автокресле.

Нырнет ручкой в карман и выуживает оттуда смятый комок... купюр. Того же номинала, что я оставлял на учитель-

ском столе. Значит, нашла сразу же, хотя я пытался спрятать между учебниками.

– Хм, а что она сказала, когда дала вам это? – бросаю деньги в бардачок, после чего протираю мальчикам ручки важными салфетками.

– Ничего. Вернуть папе. И все, – надувает губки Леша.

– А я еще слышал, – вмешивается Даня, вынуждая меня наклониться вглубь салона и податься ближе к нему. Сосредоточившись на маленьком напряженном личике, я застываю в ожидании приговора. – «Пусть железный дровосек купит себе сердце», – закатив глаза, сын старательно цитирует пигалицу.

– Ясно, – выплевываю зло и, в миллионный раз проверив все ремни, захлопываю пассажирские двери.

Всю дорогу пытаюсь выбросить из головы дерзкую Лилю, но ее надоедливый голос жужжит в ушах, а перед глазами мелькает ехидная полуулыбка. В красках представляю, как она ругает и прокликает меня сейчас. Однако виноватым себя я по-прежнему не считаю. Просто она слишком принципиальная, хотя в нашей ситуации это неуместно.

– Папа, а в магазин? – спохватывается Леша, когда мы въезжаем на территорию особняка.

– Зачем? – заглушаю двигатель и недоуменно зыркаю в зеркало заднего вида.

– Сердце купить, – поясняет Даня.

Запомнили же, что Лиля брякнула. Помимо несомненной

пользы, она приносит вред и дискомфорт.

– Не сегодня. Потом... – бросаю неопределенно.

В следующей жизни. В этой не осталось времени на сентиментальные глупости.

Глава 4

Лилия

Не бывает легких денег. Этой истине научила меня сама жизнь. Каждая копейка зарабатывается тяжелым трудом, потом и кровью, а в особо запущенных случаях... разбитыми мечтами. Взяв однажды в долг, придется обязательно отдать взамен нечто более ценное. Часто в трехкратном размере. Судьба любит снимать проценты.

Именно поэтому я вернула Воскресенскому его деньги. Знаю, что он всего лишь пытался решить проблему привычным ему способом. Хотел откупиться от надоедливой, зудящей над ухом училки. Я ведь почувствовала его отношение, пренебрежительное и высокомерное. Видела снисходительно брошенные им купюры. Однако он оставил слишком много. Оценив свои убытки, я поняла, что не могу принять такую сумму. Юбка отстирается, да и куплена была по скидке и столько не стоит, а кресло я высушу.

Тайком прикарманить чужое – не мой метод. Я всегда плачу по счетам прежде, чем будет начислена пеня.

«Гонора много в тебе, поэтому ни бабла, ни мужика нет», – не упускает случая поддеть меня дома Семен, мой отчим. Каждый раз, когда я уточняю, почему задерживают выплаты на его работе и не хочет ли он поискать новую, начинает хамить. Я ведь не для себя прошу, а стараюсь ради

мамы. Более того, сама не сиюю сложа руки: две должности совмещаю и беру репетиторство. Но с недавних пор разделила наши бюджеты и больше не храню свои сбережения дома. От этого Семен стал только злее: и если раньше пылинки с меня сдувал, особенно в день полочки, то сейчас не жалеет гадких эпитетов.

– Представляю, что бы ты сказал, если бы узнал, что я только что отказалась от суммы, превышающей мою месячную зарплату, – горько усмехаюсь, глядя на хронически мигающий телефон.

Сообщения из дома сыплются нескончаемым потоком, но я игнорирую. Не хочу портить себе настроение перед поездкой к маме. Она и так подозревает неладное, а я продолжаю сохранять иллюзию настоящей семьи, лишь бы не нервировать ее. Я научилась улыбаться, когда хочется реветь белой. Внутри меня перепутаны рычаги эмоций.

Сделав глубокий вдох и покосившись на время, собираюсь бросить телефон в сумку и мчаться на автобус, но...

– Назар Егорович? – недоуменно шепчу, когда на дисплее среди вороха мусора замечаю имя директора реабилитационного центра для инвалидов.

Три пропущенных звонка...

Дрожащими пальцами лихорадочно набираю его номер.

– Лилия Владимировна, – в динамике раздается вкрадчивый мужской голос, и мое сердце ухает вниз, раскалываясь на части. – Когда вы планируете приехать?

– Что-то с мамой? – испуганно выпаливаю, пропустив его вопрос.

– С Софией Павловной все в порядке, не беспокойтесь. Есть прогресс, причем очень хороший, – быстро отзывается врач, словно пожалев мою расшатанную психику. – Однако мне нужно переговорить с вами лично. Дело в том, что срок пребывания вашей матери здесь за государственный счет истекает, а новую квоту вам не одобрили...

– Знаю, я этого ожидала, – сиплю произношу, прикрывая глаза. – Я планировала приехать после семи вечера, когда у мамы закончатся все процедуры и она сможет прогуляться со мной по территории... Что касается сроков... Напомните, когда вы нас прогоняете?

– К концу недели мы должны оформить выписку. Будете забирать маму домой? – задает логичный вопрос, что острым скальпелем полосует сердце.

– Мне некуда, – подхожу к окну, прижимаюсь лбом к холодному стеклу. – То есть... Мы можем перевестись в платное отделение?

В нашей старой двушке на третьем этаже мама угасает в четырех стенах. Ощущает себя беспомощной потому что даже спуститься во двор не может без меня. Лифт постоянно сломан, и его даже не пытаются ремонтировать, о доступной среде и речи нет.

В центре, куда мы долго пробивались и чудом получили квоту, все иначе. Он стал нашей надеждой, подарил вто-

рое дыхание. Мама воспряла духом, засияла. Исцеляется не только физически, но и морально. А ведь одно без другого невозможно. Именно вера помогла ей достичь положительных сдвигов, о которых упоминает доктор.

Я не могу погасить в зародыше слабый, разгорающийся огонь. Нельзя. Я не имею права отбирать шанс у родной матери. А значит, нужны деньги. Вопрос – сколько?

– Я посмотрю, где остались места, – задумчиво тянет Назар Егорович. – К вашему приезду подготовлю варианты. У меня сегодня ночное дежурство, так что вы меня застанете в кабинете в любое время.

– Спасибо, – искренне лепечу и отключаюсь.

Смеюсь сквозь слезы. Невольно вспоминаю укоры Семёна. Отчасти он прав.

Какая же я беспросветная дура! Подачка Воскресенского мне бы как раз пригодилась сейчас. Облегчила бы мою участь, на какое-то время закрыла вопрос с центром, пока я бы не нашла еще.

– Нет, – встряхиваю головой, приводя себя в чувства. Однажды я уже погналась за быстрыми деньгами. Больше я своей ошибки не повторю.

Выкручусь! В крайнем случае, займу из сбережений, которые я откладываю на операцию маме. Вот уже несколько лет коплю, а там нет и десятой части необходимой суммы...

Деньги. Деньги. Деньги! Грязные, обмусоленные сотнями разных рук бумажки, но какой вес они имеют в нашем ми-

ре... Порой мне кажется, что за них и правда можно купить счастье. Я четко знаю, сколько стоит мое. Ровно в десять раз больше, чем у меня есть на данный момент.

– Хватит хандрить! – приказываю сама себе.

Смахнув предательские слезы с горящих щек, я натягиваю на лицо улыбку. Упражняюсь в лицемерии перед встречей с мамой. Буду настраиваться на позитив на протяжении всего пути в центр, благо, он неблизкий. Достаточно времени, чтобы по-настоящему успокоиться и убедить себя, что я справлюсь с любыми вызовами. Сделаю все возможное, чтобы самый дорогой для меня человек не уловил ни намека на фальшь. Мама не прощает ложь – и меня всегда учила тому же. Однако... из меня вышла плохая ученица.

– Лиль Владимировна! – гаркает Игорь так, что я едва не начинаю заикаться. Отскакиваю от резко распахнувшейся двери, чудом избежав удара.

Водитель Воскресенского появляется из ниоткуда, буквально налетает на меня, чуть ли не сбивая с ног. Роняет на пол какой-то пакет, чтобы поймать меня и уберечь от падения. Схватив меня за локоть, тяжело дышит и свободной рукой вытирает пот со лба.

– Фух, успел, иначе Виктор Юрьевич мне бы спуску не дал, он и так недоволен мной сегодня, – сетует Игорь, а я, восстановив равновесие, убираю его ладонь.

– Успели? Куда? И с какой целью? – хмурюсь, делая несколько шагов в сторону, чтобы обойти его и в экстренном

случае сбежать. Мало ли, какой приказ он получил от возмущенного моей дерзостью папаши.

– К вам же, – Игорь делает рывок вперед, и я инстинктивно отшатываюсь. – Вот, – наклоняется к пакету и, подняв его, протягивает мне. – Виктор Юрьевич предал вам искренние извинения за испорченную юбку, – улыбается, сцепив зубы.

– Вы ведь это от себя добавили, – ухмыляюсь, изучив его напряженное лицо. – Ничего подобного он не говорил. Максимум – кинул вам сухое, как он сам, сообщение.

– Зря вы так. Шеф – занятой человек, трудоголик, но разве это порок? – пожимает широкими плечами. – Знали бы вы, как он сыновей любит. Иначе не сорвался бы, бросив все, и не приехал бы за ними. Проще было бы надавить на вас через руководство центра, согласитесь? – аккуратно отчитывает меня.

– Извините, что из-за меня вам пришлось колесить по магазинам, – сдаюсь и остываю, потому что не хочу выплескивать гнев и обиду на постороннем человеке. – Неловко получилось. Еще, наверное, и купили ее за баснословную сумму? – киваю на значок известного бренда на упаковке.

– Не-ет, – отмахивается, но в глаза мне не смотрит. – За треть цены на распродаже.

– Врете, – смеюсь, когда Игорь виновато отводит взгляд. Взрослый мужчина, лет под пятьдесят, а теряется, как один из моих воспитанников. И так же не умеет лгать.

Зато чувствует людей. Считывает меня, как открытую

книгу. А на обман пошел, потому что понял: дорогой подарок я не приму.

– Возьмите, чтобы не огорчать Виктора Юрьевича, – все-таки вкладывает пакет мне в руки. – Он позаботился о вас... – спотыкается о мой недоверчивый взгляд. – Если я не отчитаюсь о выполненном поручении, мне влетит. Вы и так шефа раздразили, а получать на орехи буду я, – давит на жалость, которой во мне и так в избытке.

Сжимаю пальцами бумагу, царапаю вычурный бренд, выведенный золотистой краской.

Некогда размышлять и кокетничать. В конце концов, мне нужна эта чертова юбка! Мне предстоит провести несколько часов в дороге с мокрым задом. Затем встречаться с директором центра в таком потрепанном виде. Придумывать отговорку для мамы. И мерзнуть весь вечер, пока я буду добираться домой.

Самое время прислушаться к наставлениям отчима – и засунуть свою гордость куда подальше. Ничего страшного не произойдет, если я возьму новую вещь взамен испачканной. Это всего лишь кусок ткани, пусть и недешевый.

– Думаю, я избавлю вас от наказания, – легко киваю в знак согласия. – Спасибо огромное.

Игорь суматошно прощается и мгновенно исчезает, наверное, чтобы я не передумала и не вернула сверток. Покачив головой и улыбнувшись ему вслед, я разворачиваю пакет. Нахожу в нем теплую плиссированную юбку, свободно-

го кроя и универсального размера. Бонусом к ней получаю еще укороченный пиджак в тон и блузку.

– Хм, распродажа, как же... – веду ладонью по приятной наощупь, благородной ткани.

Костюм-тройка вместо дешевой, мокрой тряпки, что прилипла к моим бедрам. Неравноценный обмен.

– Все-таки придется вернуть, – шумно выдыхаю. – Но позже... Такой наряд мне не по карману, конечно, а вот прокат – вполне могу себе позволить. На одни сутки.

Договорившись с совестью, я шустро переодеваюсь. Обычно я равнодушна к одежде, но сейчас... настроение необъяснимо улучшается. Чувствую облегчение, потому что не надо переживать за свой внешний вид. И уже в совершенно другом состоянии еду к матери. Уверенная в себе и готовая решать проблемы.

Глава 5

– Посмотрите, Лилия, это наиболее оптимальные варианты, – Назар Егорович выкладывает на стол передо мной три распечатки. – Каждая путевка включает в себя проживание, питание и базовый комплекс процедур. Отличия между ними лишь в типе палаты, некоторых незначительных нюансах и, самое главное, длительности пребывания.

– Какой максимальный срок? – уточняю незамедлительно, мельком взглянув на бумаги.

Доктору Богданову я доверяю. Он не так давно возглавил реабилитационный центр – и быстро навел здесь порядок. Сменил половину персонала, провел ремонт бесплатного отделения, причем полностью за свой счет, раскрыл все черные схемы и от души перетряс бухгалтерию, судился с предыдущим руководством, не боясь нажить себе врагов.

Ходят слухи, что Назар сам человек непростой: в свои тридцать пять имеет собственный бизнес и связи, а в центре работает за идею и по призванию души. Коллеги его уважают и опасаются, но меня не касается его таинственная биография. Кем бы он ни был, я рада, что он занял должность директора центра. Именно благодаря ему маме впервые за все годы мытарств удалось получить квоту – ранее постоянно приходил отказ, без объяснения причин.

– Двадцать один день, – Богданов указывает длинным

пальцем на ближайший ко мне листок, и я поднимаю его, изучая внимательнее. Прежде всего, ищу общую стоимость курса. Считаю нули в итоговой цифре и, нервно пожевывая губы, шумно выдыхаю через нос.

Я знала, что «Надежда без преград» – элитный и самый дорогой реабилитационный центр в регионе. Зато лучший! Поэтому мы с мамой так отчаянно стремились сюда. И не зря – курс пошел ей на пользу. Так что я не готова останавливаться на полпути. В то же время, цена ввергает меня в ступор.

Моя реакция не остается незамеченной. Доктор изучает меня непроницаемым, задумчивым взглядом и откидывается назад в кресле, скрестив руки перед собой. На груди, поверх белого халата – виднеется бейджик с его именем и фотографией. Фокусируюсь на бездушном пластике, стесняясь посмотреть Богданову в глаза.

– Можно... оплатить частями? – тихо выдавливаю из себя. Не привыкла ничего выпрашивать, но ситуация не оставляет выбора. Мне необходимо время, чтобы снять деньги со счета в банке. – Прямо сейчас я смогу внести... четверть суммы, – мысленно подсчитываю размер зарплаты, которую как раз получила на днях и носила с собой, чтобы отчим не добрался.

Оставляю себе копейки на проезд и простую еду, а там дотяну как-нибудь до аванса. Я умею экономить на себе. Или наберу больше часов репетиторства. Точно! Надо будет об-

новить объявления в интернете и активнее искать учеников.

– Вам можно, – после мучительной паузы произносит Назар. – Не торопитесь. Заплатите, когда будет удобно. Я еще попрошу старшую сестру оформить заказ путевки задним числом, и вы попадете на сезонную скидку. Вам обойдется весь курс в половину стоимости.

Его тон ровный, холодный, а в голосе не слышится двусмысленных намеков. Ничего подобного. Между нами – чисто деловой разговор. Однако что-то цепляет меня, заставляет сомневаться.

– Впервые слышу, – недоверчиво прищуриваюсь. – Не помню, чтобы у вас были такие щедрые акции. Хотя я постоянно мониторила сайт вашего центра.

– Мы не выкладываем эту информацию на официальном портале. Она только для постоянных клиентов, – не теряет он. – Считайте, вы в их числе. Так что? Договорились? – протягивает руку.

Не спешу отвечать. Растерянно осматриваю кабинет. Прохожусь взглядом по шкафу с папками, по наградам центра, по многочисленным дипломам на стенах. Задерживаюсь на фотографиях подопечных. Делаю вдох и застываю. На снимках – разные, незнакомые мне люди в инвалидных колясках, на костылях или с палочкой, но всех их объединяет одно – по-настоящему счастливые улыбки и надежда в сияющих глазах.

– Договорились, – пожимаю теплую, сухую ладонь.

Пока Богданов готовит необходимые документы, я встаю и подхожу к окну. Из кабинета директора, расположенного на втором этаже, открывается хороший вид на территорию центра. На тропинках между деревьев по опавшей, пожелтевшей листве прогуливаются пациенты, но я не обращаю на них внимания. Чувствую, что моей мамы среди отдыхающих нет. Она трудяга, так что каждую минуту здесь проводит с пользой.

По-доброму улыбаюсь и слегка покачиваю головой, когда вижу доказательство своих мыслей. Нахожу маму на спортивно-оздоровительной площадке. Стоит на тренажере для ходьбы, крепко держась за поручни. Пытается сделать шаг. Рядом – мужчина в медицинском костюме, страхует ее, контролирует каждое движение. Кажется, при этом говорит маме что-то ободряющее, судя по ее мягкой улыбке.

– Вячеслав Никитич, наш врач-реабилитолог, – доносится за спиной, и я оборачиваюсь на голос Богданова. – Вызвался бесплатно заниматься с вашей матерью в свободное время, – поясняет, подходя ближе. – Только вы его не сдавайте, пожалуйста. Ей он сказал, что это входит в курс по квоте. Иначе бы София Павловна не согласилась.

– Молчу, – киваю в знак согласия.

Мама бы не одобрила такую безвозмездную помощь, но это в ее интересах. На чаше весов – здоровье. Тот случай, когда лучше подвинуть свои принципы. В конце концов, врач желает маме добра, не стоит ему мешать.

– Что решили по поводу операции? – Назар Егорович затрагивает болезненный вопрос. Становится по левую сторону от меня, спрятав руки в карманы медицинских штанов. Смотрит вдаль, но боковым зрением улавливает мои жесты и движения.

– Хм... Думаем, – неопределенно отвечаю. Не хочу озвучивать истинную причину. Цена операции и последующей длительной реабилитации – для нас неподъемная.

– Теряете время. Чем дольше тянете после травмы, тем меньше шансы, – безжалостно режет по свежей ране. – Сколько лет прошло?

– Шесть... – выдыхаю, не сводя глаз с мамы. – Она работала строителем. Несчастный случай на одном из крупных объектов, – цежу сквозь зубы, вспоминая тот роковой день, и осекаюсь. Мать почти не говорит о том, что произошло, и мне запрещает поднимать эту тему. – Думаете, есть надежда поставить маму на ноги?

– Надежда есть всегда, – Богданов поворачивается ко мне лицом. – Конкретно в ее случае шансы весьма высокие, но есть только одна клиника, которая за это возьмется. Я предварительно созвонился с главврачом, он готов вас принять. Поговорю с ним, чтобы цену снизил, насколько сможет.

– Спасибо, но... – нахмутив брови, все-таки решаюсь спросить: – Вам это зачем?

Сканирую его пристальным взглядом, цепляюсь за правую ладонь, на безымянном пальце которой поблескивает

золото. Слышала, что Богданов разведен. Однако кольцо не снимает.

– Я просто хочу вам помочь, ничего личного, – чеканит невозмутимо и возвращается на свое рабочее место.

Не обронив больше ни слова, отдает мне бумаги. Видимо, мои подозрения задели его врачебное эго. Из-за этого я чувствую себя виноватой.

– Простите, пожалуйста, – шепчу, сминая уголки листов. Стою возле его стола, склонив голову, как школьница. – Я не хотела...

– Все нормально, – отмахивается. – Мир жесток, а люди в нем скорее сожрут друг друга, чем помогут. Поэтому правильно делаете, что не доверяете. Бегите к матери, а то скоро отбой. Пообщаться не успеете.

Кивнув, покидаю кабинет и спускаюсь на первый этаж. Оказываюсь на площадке как раз в тот момент, когда мама заканчивает тренировку, а врач-реабилитолог помогает ей сесть в инвалидное кресло, которое словно оплетает ее щупальцами, обездвиживая. Забирает энергию, стирает улыбку с лица. Проклятье! Клянусь, я сделаю все, чтобы в скором времени коляска ей не понадобилась.

– Доченька, – при виде меня мама вновь расплывается в улыбке, лучезарной и солнечной, в отличие от той сдержанной, что была адресована Вячеславу Никитичу. На секунду забыв все тревоги и заботы, отвечаю ей так же искренне. – Доехала все-таки? Я думала, не успеешь.

Приветствую приятного, добродушного доктора, который суется вокруг мамы, и наклоняюсь, чтобы обнять ее.

– Я же обещала.

Касаюсь губами взмокшего после физического труда лба, бережно поправляю выбившиеся из прически каштановые волосы, всматриваюсь в благородное фарфоровое лицо.

Мы с ней похожи, и раньше нас часто принимали за сестер. Мама выглядит моложе своего возраста, недаром Семен на нее в свое время глаз положил. Красивая, сероглазая, ухоженная и на тот момент... при деньгах, потому что всегда достойно зарабатывала. После смерти папы она вновь стала завидной невестой. Впрочем, и сейчас, сидя в коляске, мама продолжает очаровывать мужчин, не прилагая никаких усилий. Ей не до флирта – она давно списала себя со счетов. Похоронила, прибив воображаемую могилу огромным деревянным крестом. Правда, Вячеслав Никитич, судя по всему, воспринимает мою маму иначе. Видит в ней не только пациентку, но и женщину.

Взглядом прощаюсь с доктором, намекая, что мы справимся без него. Некоторое время напряженно смотрю ему вслед, а когда он скрывается за поворотом, обращаюсь к маме.

– Я с риском для жизни пронесла «запрещенку» на территорию, – шепчу заговорщически и достаю небольшой, герметичный контейнер из лучшей кондитерской в городе.

– М-м-м, десерт «Павлова». Еще и из «Сладкой жизни», –

заглядывает мама внутрь и смеется. – Балуешь ты меня. Хотя, знаешь, здесь на удивление хорошее питание. Как в санатории.

– Я рада, что тебе нравится. Потому что я договорилась, чтобы тебе продлили путевку, – поднимаюсь, бережно поправляя юбку, чтобы не смять и не испачкать. Ни на секунду не забываю, что костюм не мой, и его надо беречь.

– Как? Лилечка, мы же договаривались! Деньги не тратим, только по квоте.

Вздыхнув, вкладываю ей в руку бамбуковую вилку с логотипом кафе. Заставляю отломить кусочек пирожного.

– Вкусно?

– Шикарно, – опускает ресницы и наслаждается сладким вкусом, пока десерт тает во рту. – Попробуй, – протягивает мне контейнер, но я отказываюсь.

– Хватит мне, я в кафе успела перекусить, пока твой заказ ждала, – лгу как можно правдоподобнее и, чтобы избежать зрительного контакта, становлюсь позади коляски и толкаю ее вдоль аллеи. – Давай погуляем. Красиво тут у вас.

– Какие прогулки! Ты за день небось со своими кнопками набегалась, – залиvisto хохочет мама, и от ее смеха в груди разливается медовая патока. – Лучше у лавочки меня «припаркуй». Посидим, поговорим, заодно отдохнешь.

– Как скажешь, – останавливаюсь там, где она просит. Разворачиваю коляску так, чтобы мы с мамой были друг напротив друга. – Удобно? – присев на край скамьи, спокойно

осматриваю ее. Прикрываю пледом худые колени, кутаю ноги, ведь сама она не почувствует холода. Замерзнет и простудится.

– Как вы там? Хорошо? Чем занимаетесь? – засыпает меня вопросами, на каждый из которых я сдержанно киваю. – Как Семен?

– Работает. Сегодня на дежурстве в пожарной части, а так бы приехал, – нагло вру, в то время как отчим лежит дома на диване. Смена у него завтра, но он заявил, что ему надо отдохнуть перед предстоящими сутками, и отказался ехать в центр. – Он очень хотел тебя увидеть... – обрываю поток лжи, чтобы не перегнуть палку.

– Мы созванивались. Пару дней назад... – лепечет мама, пытаюсь вспомнить. – Или еще раньше... – тише добавляет, с обидой и тоской.

Секунда – и она преображается, будто внутренне встряхивается. Натягивает на лицо радостную маску. Теперь на этой аллее две лицемерки.

– Я скажу, он позвонит. Просто боится тебя тревожить лишний раз.

«Козел ленивый!» – проносится ругательство в мыслях. Как за компьютером сидеть, так он успевает, а с мамой парой фраз обменяться – времени нет.

– Повезло, что он у нас есть, – мама буквально испытывает мою выдержку. Слушаю молча, сцепив зубы. – Другой бы бросил меня сразу после травмы. А Сема столько лет рядом.

Я спокойна, что о тебе кто-то может позаботиться в мое отсутствие. Все-таки близкие люди. Одна семья.

Меня передегергивает от последней фразы. Родного отца я потеряла – он погиб, когда мне было двенадцать лет. Но я помню, что он любил меня и был хорошим человеком. В отличие от прилипалы и хама Семена. Он никогда мне не нравился, однако я не смела идти против выбора мамы. Она имеет право на счастье.

– У нас все хорошо, не переживай, – повторяю, как мантру.

– Догадываюсь я, как вам «хорошо», – неожиданно срывается. – Такие затраты на меня. Я для вас обуза. Балласт, поглощающий деньги.

Слезы текут по бледным щекам, а я стираю их пальцами. Поглаживаю маму по голове, как ребенка. Мы словно поменялись местами.

– Прекрати, мам, это неправда, – уговариваю ласково. – В конце концов, у тебя пенсия.

– Мизерная. Вам было бы легче, если бы шесть лет назад меня на той недостроенной многоэтажке насмерть придавило, – грубо бросает, проклиная себя.

– Тш-ш-ш! – накрываю ладонью ее рот. – Нельзя так говорить. Беду накличешь. И мне делаешь больно, – сиплю с горечью.

Своими жестокими словами мама рвет мою и так исполозованную душу на части. Выворачивает меня наизнанку,

топчет остатки сердца, превращая его в кровавое месиво.

Каждый раз я думаю, что не выдержу больше. Но судьба преподносит новые испытания. Надеюсь, когда-нибудь мои чувства умрут, а я стану роботом, безэмоциональным и стальным.

Но пока... мне чертовски плохо и больно.

– Прости, Лилечка. Измучила я вас совсем, – мама продолжает причитать и плакать. – Тяжело вам со мной. Я во всем виновата.

– Это не так! – хрипло протестую. – Знаешь, мам, нам было бы легче, если бы ты шесть лет назад подала в суд на тех богатых уродов, по чьей вине в инвалидном кресле очутилась.

– Мы не говорим об этом, – холодно напоминает мать, погасив эмоции.

Судорожно вытирает лицо, часто моргает и пытается привести себя в чувство. Однако меня уже не остановить. Обида внутри меня кипит и выплескивается обжигающими словами:

– Мало того, что они пренебрегли техникой безопасности, так еще и обставили все так, будто ты не на рабочем месте пострадала! Прикрыли свои богатые задницы, а ты им в этом помогла. До сих пор не признаешься, кто они и как компания называется.

Импульсивно сжимаю кулаки, сгорая от гнева. Ненавижу! Каждый божий день я мысленно проклиная всех, кто был

причастен к травме моей мамы. Их ошибки и безответственность повлекли за собой череду бед в нашей семье. Из-за них я с семнадцати лет словно живу в аду.

– Нет, Лилечка, ни слова об этом больше, – поднимает ладонь, показывая, что тема закрыта. – Забудь. Зря я вообще я тебе рассказала. Я ведь не была закреплена за тем объектом, меня неофициально туда поставили на смену.

– Тем более! – не успокаиваюсь я. Столько лет я пыталась докопаться до сути, но спотыкалась о бетонную стену, возведенную мамой. – Это ведь серьезное нарушение с их стороны. Они должны ответить перед законом.

– Ты слишком импульсивна. В тебе говорит юношеский максимализм, а я повидала жизнь, – размеренно тянет мама, успокаивающе поглаживая меня по предплечью. – Я не хочу проблем. С такими страшными людьми лучше не связываться, себе дороже, – переходит на шепот, озираясь по сторонам, словно нас могут подслушать. – Ладно мне себя не жалко, так они и тебя со свету сживут, никого не пощадят. Не надо, – вздохнув, отворачивается. – Да и время прошло, ничего не доказать. Выбрось из головы!

– Мамуль, – перехватываю ее ладонь, сжимаю двумя руками. Подношу к губам, согревая дыханием прохладные пальцы.

– Расскажи лучше, как у тебя в личной жизни дела? – меняется в лице, расплываясь в улыбке, на которую я не могу ответить взаимностью.

Мамин вопрос ввергает меня в ступор. Молчу, пытаюсь сохранить маску равнодушия и спокойствия, когда на душу обрушивается лавина эмоций. Отношения для меня – табу. Ни одного свидания с семнадцати лет. Никаких мужчин. Я запретила себе даже мечтать о том, что когда-нибудь смогу быть счастливой, строить семью, планировать детей. Не заслужила, потому что до конца дней должна расплачиваться за свою ошибку.

– Ты сегодня такая красивая приехала, сияющая, – продолжает мама, с восхищением рассматривая выглядывающий из-под плаща костюм, который я вынуждена была надеть. – Сразу после парня, наверное, ко мне примчалась? – делает свои выводы, как бы невзначай поправляя складки дорогой, брендовой юбки. – Признавайся, как его зовут?

– Виктор Юрьевич, – отзываюсь машинально, гипнотизируя взглядом шикарную ткань. Стараюсь не трогать ее лишним раз, чтобы не помять и не испортить. В сознании всплывает образ мрачного, сурового мужчины. Его деньги, брошенные на стол. Снисходительные слова, холодный, надменный взгляд.

Передергиваю плечами. Чужая одежда, которая никогда не будет мне по карману, обжигает тело. Хочется сорвать ее вместе с кожей.

– Виктор Юрьевич, – повторяет мама, перекатывая его имя на языке. Я жалею, что выпалила это вслух. Только сейчас понимаю, что невольно ввела ее в заблуждение. – Как

официально. Коллега, наверное? Прекрасно. Учителя – самые честные, сознательные и ответственные люди.

Чем больше она говорит, тем сильнее я закрываюсь. Не хочется ее разочаровывать, но и слушать о том, что я могла бы жить обычной жизнью большинства девушек, больно и горько.

– Главное, чтобы он был не из олигархов. Эти девушек как мясо воспринимают, – грубовато добавляет, но тут же прячет непонятную мне обиду под улыбкой. – Не надо нам богатых, правда?

– Точно не надо, – соглашаюсь искренне.

– Виктор значит «победитель». Тебе только такой и нужен. Другой не выдержит твоего стального характера, – бархатно смеется.

– Мам, ты не так меня поняла, – пытаюсь оправдаться.

– Не мамкай, я тебя знаю. Кого угодно выдрессируешь, – перебивает меня и дает больше ни слова вставить. – Я так довольна, что у тебя все налаживается. Все-таки годы идут. Пора замуж и детишек. Хочу понянчить внуков.

– Успею, – мрачно обрываю ее поток речи.

– Ну, да, не лезу. Сами решите. Главное, чтобы мужчина заботливый был и работающий. Чтобы тебя любил и ты – его, а остальное приложится, – наконец, мама замечает смену моего настроения. – Чего поникла?

– Устала за день, – выдавливаю из себя некое подобие кривой ухмылки.

Не могу прийти в себя и вернуться в роль. Расшатанная, истерзанная. Внутренние демоны отплясывают ритуальный танец на моем сердце. Надо собраться, а сил не осталось. Я готова сорваться в любой момент и расплакаться на груди у моего единственного родного человека. Но тогда многое придется объяснить.

Благо, меня спасает мамин врач-реабилитолог, который вдруг появляется из ниоткуда.

– София Павловна, пора возвращаться в палату, – тепло обращается к ней. – Давайте проведу.

– Я тут с вами как в тюрьме, Вячеслав Никитич. Вы надсмотрщик, а я заключенная, – произносит с легким налетом кокетства, которого сама не замечает.

– Что вы, право, меня тираном рисуете. А я простой докторишко, скучающий на дежурстве, – врач аккуратно разворачивает ее коляску и отодвигает от скамейки. – И лишь выполняю свою работу.

– Ладно, уговорили вы меня, докторишко, – покорно складывает ладони на коленях. – Надо мне доченьку отпускать, а то уснет на лавочке. Езжай домой, Лилечка.

Мама подзывает меня к себе, крепко обнимает на прощание, прижимается щекой ко мне. Шепчет на ухо, что все обязательно будет хорошо. Я хочу ей поверить, но суровая реальность не позволяет.

Смотрю вслед маневрирующей по аллее коляске, наблюдаю, как мама общается по пути с Вячеславом Никитичем,

слышу отголоски ее тихого смеха.

Все-таки это было правильным решением – определить ее в центр. Здесь ей лучше. Он чувствует себя полноценным человеком. И я сделаю все, чтобы так и было всегда.

Возвращаюсь домой глубокой ночью. Отчим безмятежно спит, и его храп разносится на всю квартиру. Ни капли не беспокоится о матери. Плевать ему на все. Какая же это «семья»?

– Козел, – произношу одними губами.

Тихонько скидываю обувь и на цыпочках крадусь в свою комнату, чтобы не разбудить его. Закрываюсь на защелку – и только после этого переодеваюсь, бережно складывая костюм в пакет с логотипом. Туда же опускаю сохраненные мной этикетки.

Падаю в кровать, чувствуя, как гудят ноги. Хочется есть и в душ, но нет желания лишний раз сталкиваться с отчимом. В последнее время он ведет себя странно. Цепляется ко мне, грубит, когда рядом нет мамы, смотрит на меня как-то иначе.

От его слов и взглядов порой мурашки по коже и мороз вдоль позвоночника. От перспективы общаться с ним, даже мельком, сразу пропадает аппетит.

Уставившись в потолок, задерживаю дыхание, пока голова разрывается от мыслей. Малодушно мечтаю о том, как все мои проблемы решатся по взмаху волшебной палочки. Но так не бывает. Моя крестная фея не долетела до этой богом забытой квартиры. Застряла в сломанном лифте. И умерла

вместе с надеждами.

Придется выкручиваться самой. В одиночку, как я привыкла.

Глава 6

Виктор

– Вы сегодня рано, Виктор Юрьевич, – вежливо щебечет секретарша, плавно, но на удивление сильно толкает дверь бедром, закрывая ее с характерным хлопком. Резкий грохот заставляет меня скривиться и недовольно зыркнуть исподлобья в сторону входа.

Представительная брюнетка сдержанно улыбается и спешит к моему рабочему столу, при каждом шаге покачивает бедрами, обтянутыми узкой юбкой-карандаш. Неудобный офисный костюм затрудняет движения, но не останавливает ее.

Обе руки заняты: в одной она держит чашку кофе, а второй – прижимает к груди несколько папок. При этом идет уверенно и грациозно, не показывая дискомфорта. Ловко перебирает ногами, цокая высокими каблуками о паркет.

Побочные звуки врезаются в мозг. Благодатная тишина, которой я наслаждался буквально несколько минут, мгновенно разрушается. К вискам приливает кровь.

– Много дел, Арина, – небрежно бросаю, поморщившись, и возвращаюсь к бумагам.

Не трачу время на приветствие и пустые разговоры, потому что Арина и так постоянно рядом. Если не физически, то по телефону. На связи в любое время суток.

Незаменимый сотрудник. Без осечек выполняет все поручения, эффектно выглядит и грамотно общается. Ее не стыдно показать партнерам. Лицо компании, «сделанное» по последнему писку моды. Идеальный, искусственно созданный образ. От прически до итальянских туфель. Все за мои деньги, разумеется, но это затраты на «производственные нужды». Секретарша должна радовать глаз и соответствовать занимаемой должности.

– Зайти позже? – вкрадчиво интересуется, поймав перемену моего настроения. Отрицательно качаю головой и жестом разрешаю ей продолжать. – Ясно. Я вас не задержу.

Аккуратно ставит кружку, как можно дальше от бумаг, хозяйски раскладывает папки на столе, чтобы я без труда в них разобрался.

– Только оставлю документы. Вот это на подпись, желательно, прямо сейчас. Это подождет до обеда. Эти отчеты вы просили дать вам на проверку. А это... – комментирует, пока я пытаюсь абстрагироваться от ее скрипучего голоса.

Арина работает у меня год, и за это время не вызвала ни одного нарекания. Наоборот... Она многозадачная. Ответственный помощник, красивая картинка в приемной, эскорт на важных мероприятиях. Умело справляется со всеми обязанностями. А при необходимости... и сверх нормы.

– После обеда не планируй ничего, я уеду. Мне надо детей на занятия по английскому отвезти. И забрать по окончании, – медленно проговариваю, будто пробуя фразу на вкус.

Новый пункт в моем графике появился из-за надоедливой училки. Не потому что я испугался ее угроз – они глупые и беспочвенные. Я могу поставить ее на место минутным звонком директору центра. Но не буду этого делать. Неприятно признавать, но... Лилия права. Я должен больше времени проводить с сыновьями. Хотя бы потому что у меня его неотвратимо мало. Минуты и часы утекают, как песок сквозь пальцы.

– В три часа у вас встреча с Османовым по поводу ошибок в новом строительном проекте, – напоминает Арина, четкой, отлетающей от зубов фразой разбивая мои планы. Подавляю дикое желание грубо выругаться вслух. – Точнее, разбор полетов, – добавляет она с ухмылкой. – Могу перенести на завтра, он только рад будет отсрочке.

– Нет, это важно. Как и планировалось, сегодня же вызови его ко мне на ковер, – рычу, злясь на бездарного родственника еще сильнее. Мешает и на работе, и в жизни. – Пусть не думает, что если женился на моей сестре, то может безнаказанно косячить и срывать выгодные сделки. Я ему наш семейный бизнес разрушать не позволю, – сжимаю ручку в ладони, и подпись получается кривой, чересчур размашистой. Откидываю папку, беру следующую, пробегаю текст глазами.

Тимур Османов руководит одним из крупнейших филиалов нашей компании, который по документам принадлежит моей сестре. Ада не разбирается в строительном бизнесе,

просто является наследницей доли. К сожалению, ее муж тоже с неба звезд не хватает. Так что помимо решения собственных проблем, мне надо успеть привести в порядок и их дела, чтобы родственники не просрали единственный источник дохода. Все должно быть поставлено на поток до того, как я...

Черт, как все успеть? Мне даже доверить такую махину некому! Рассыплется она без меня, схлопнется и уйдет с молотка.

– Хорошо, прослежу, чтобы Османов явился к назначенному времени, – отзывается Арина, будто мысленно делая пометку в виртуальном блокнотике. Не секретарь, а биоробот. – Я могла бы... вместо вас отвезти детей, куда и когда скажете, – неожиданно предлагает.

Заношу руку над очередным документом и замираю. Медленно поворачиваю голову к секретарше, окидываю ее непонимающим, хмурым взглядом.

– Зачем?

– Ну, вам же нужна помощь, – теряется, сжимая пухлые губы.

– Нет, спасибо, отправлю Игоря, – небрежно отмахиваюсь. Мальчишкам нужен я, их вечно занятой отец. Секретарша не компенсирует родительскую заботу, хотя она почему-то считает иначе.

– Игорь всего лишь водитель, сдержанный, строгий и четко выполняющий свою работу. Наверное, мальчикам с ним

скучно, – впервые она заводит такой странный разговор. Раньше мы с ней никогда не обсуждали детей. – А я могла бы по пути домой зайти с ними в кондитерскую, например...

Чем дольше говорит, тем меньше я что-либо понимаю. Молча, напряженно изучаю девушку, пытаюсь посмотреть на нее с другой стороны. В мозгу резонируют слова брата о том, что мне нужна фиктивная жена. Его вариант по-прежнему кажется мне диким и бессмысленным, однако... Невольно оцениваю Арину.

У нас с ней крепкие деловые отношения. Она удобная и привычная. Как предмет элитной мебели или качественная бытовая техника. Полезная, не напрягающая. Думаю, Арина приняла бы мое предложение о браке без лишних вопросов. Я смог бы купить ее время – я и так это постоянно делаю.

«Ты не для себя выбирай, а для детей», – всплывает наставление Кости, будто он сейчас рядом и продолжает поучать меня.

– Хм... – задумчиво выдыхаю, погруженный в свои мысли.

Есть женщины, которые не созданы для семьи, и Арина из их числа. Красивая обертка, но в роли супруги и матери я ее в упор не вижу. В своем доме, на кухне у плиты, готовящей завтрак, в саду, играющей с мальчишками, в детской, укладывающей их спать... Не представляю даже.

Нет, она нам не подходит. Вычеркиваем ее имя из списка кандидаток... А других у меня нет. Черт!

– Не отвлекайся от работы, Арина. Уход за моими детьми не входит в твою должностную инструкцию, – грубо погасив ее внезапный порыв поиграть в семью, я отдаю подписанные документы. – Что-то еще?

Секретарша кивает, закусывает щеку изнутри, однако не спорит. Еще один несомненный плюс – отсутствие эмоций и необоснованных истерик.

Арина спокойно проверяет папки, собирает их – и шагает по кабинету.

– Вик, сегодня тебя ждать? – тихо спрашивает, обернувшись у двери.

Сразу понимаю, о чем речь. Догадываюсь по фамильярному обращению и переходу на «ты», по кокетливому взгляду, по ласковой, легкой улыбке. Мне все ясно, кроме одного... Какого хрена инициатива исходит от нее? Характер наших отношений был прямо и честно оговорен заранее. Арина согласилась на все условия, а в данный момент словно пытается перевести нас на новый уровень.

Сначала задушевные разговоры о детях, теперь приглашение к себе таким тоном, будто мы живем вместе лет десять и делим быт. Арина максимально странно ведет себя этим утром.

– Нет, – отрезаю коротко, не отрываясь от бумаг.

– Давно не заезжал, – продолжает сипло, задержав ладонь на ручке двери.

Пытаюсь вспомнить нашу последнюю встречу. И не могу.

После приговора врачей мне было не до секса, да и сейчас нет никакого желания. Есть заботы поважнее женщин.

– Значит, не было необходимости, – признаюсь без купюр. – В чем дело, Арина? К чему эти вопросы?

– Всего лишь хотела понять, как распланировать вечер, – наконец-то нажимает на ручку и распахивает дверь. Переступает порог кабинета вместе с моим облегченным вздохом. Терпеть не могу выяснения отношений на рабочем месте.

Благо, Арина не пересекает красную черту. Тормозит за миллиметр до опасной границы – и, опомнившись, уходит.

Все-таки незаменимый сотрудник.

– Как пожелаешь, – бесстрастно бросаю ей в спину. – После работы свободна.

Наверное, я должен почувствовать себя подонком, но не испытываю ни грамма вины. Я никогда не лгал Арине и не давал ей ложных надежд. Моя компания – это механизм, в котором каждый винтик находится на своем месте и выполняет вверенные ему функции. Все просто. Ничего личного.

– Виктор Юрьевич, – доносится из приемной спустя полчаса, и я напрягаюсь, когда Арина вновь заглядывает в кабинет. – Вам посылка.

– Я ничего не жду, – откидываюсь в кресле, подпирая рукой подбородок. – Ты заказывала что-то?

– Нет, только что проверила все накладные. Это не касается работы, – пожимает плечами. – Какая-то девушка оста-

вила пакет на посту охраны, чтобы передали Виктору Воскресенскому. Даже в приемную не поднялась.

– Хорошо, я посмотрю, – киваю на стол.

Отпускаю Арину и, дождавшись, пока она выйдет и закроет за собой дверь, подтягиваю к себе пакет. Осторожно, будто это бомба. Недоуменно изучаю его содержимое.

– Адресом доставки ошиблись, что ли? – бурчу себе под нос, двумя пальцами доставая край ткани. Держу ее на весу, встряхиваю. И ни хрена не понимаю. Зачем мне женская одежда? – Хотя имя и фамилию правильно назвали... Так!

Перерываю весь сверток, пока не нахожу записку на самом дне. Мне нужна зацепка, потому что мозг не может сложить пазл и найти логическое объяснение.

Разворачиваю аккуратно сложенный листок, вчитываюсь в красивый, каллиграфический почерк. Где-то я его видел совсем недавно... Вчера... На доске в кабинете английского...

– Твою ж мать. Seriously? – хрипло кашляю от удивления, вникая в текст послания. – Ненормальная.

Уголки губ ползут все выше с каждым прочитанным мной словом. Я не могу поверить, что она действительно это сделала. Зачем?

«Спасибо, Виктор Юрьевич. Вчера вы меня очень выручили...»

В голове крутится мелодичный девичий голос, приятный, но по-учительски вредный и строгий. Воспроизводится каж-

дая нотка, так реалистично, будто мне в мозг встроили диктофон.

«Но я не могу принять такой дорогой подарок...»

Дорогой? Сомневаюсь... Понятия не имею, сколько стоили шмотки, ведь покупал их Игорь. Одно знаю точно – моя карта после этого не похудела, а я не превратился в банкрота. Оповещения из банка о превышении лимита тоже не поступало, значит, все нормально.

«Костюм в целости и сохранности, этикетки на месте...»

Ради интереса еще раз ныряю в пакет. И правда. Бирки аккуратненько сложены в карман пиджачка. Не замечаю, как прыскаю от смеха. И буквально давлюсь им, когда возвращаюсь к записке.

«Вы можете вернуть его в магазин и забрать деньги. По закону, имеете право сделать это в течение четырнадцати дней».

– Какая же зануда, – непроизвольно срываюсь в хохот.

Я забыл, когда улыбался в последний раз с кем-то, кроме сыновей. Однако серая училка умудрилась повеселить меня своей непосредственностью.

«С благодарностью, Лилия», – изящно выведено в самом низу листка.

Откуда ты взялась такая, Лилия?

Обрываю смех и неосознанно провожу большим пальцем по имени. Отложив записку, цепляюсь краем глаза за небольшую брошюрку, выпавшую из пакета.

«Как любить ребенка» – выведено на корешке. Книга по детской психологии.

– Бред какой-то! – выпаливаю, прикрывая глаза ладонью. Яростно растираю лицо, пытаюсь привести себя в чувство.

Женщины не ведут себя так. Не отказываются от денег. Не возвращают подарки. Не присылают книжку в ответ. Не заставляют мужчину чувствовать неловкость за оказанную помощь.

Что с ней не так?

Плевать! Меня не должна тревожить какая-то англичанка. Однако, вопреки законам логики и своему характеру, я тянусь к телефону.

– Игорь, дело есть, – рявкаю в трубку. Пока мой водитель, безопасник, правая рука и человек, которому я доверяю, соображает, где успел облажаться и за что его ругают, я пытаюсь сформулировать поручение: – Речь о Лилии Владимировне из центра. Если не ошибаюсь, ее фамилия Зимина, – барабаню пальцами по пакету с логотипом модного бутика. Опять усмехаюсь.

– Понял, о ком вы. Что нужно? – отзывается с готовностью.

– Выясни о ней все, что сможешь, – выдаю на рваном выдохе.

Не могу объяснить, зачем лезу в ее жизнь. Из любопытства? Никогда им не страдал. Из личного интереса? Она не привлекает меня как женщина, слишком молодая и не в мо-

ем вкусе, да и мне сейчас не до амурных дел. Из жалости? На чужих людей мне всегда было плевать.

Но что-то дергает внутри за невидимые нити, скребется и требует узнать всю подноготную слишком правильной «отличницы». Таких девушек не бывает! Где-то должен быть подвох.

– Виктор Юрьевич, чему уделить внимание? – настороженно уточняет Игорь, беспокоясь, что Лилия что-то натворила.

– Пока что мне нужны общие сведения, – успокаиваю его. – Захотелось чуть ближе познакомиться с учительницей моих детей.

Глава 7

Лилия

Ключи летят на стол и с металлическим перезвоном встречаются с его поцарапанной поверхностью, а следом рассыпаются мелочи, монетки из кармашка сумки, скатываются ручки и карандаши. Я и не пытаюсь их поймать – вместо этого пустым, уставшим взглядом наблюдаю, как они стремятся к краю и по очереди падают на пол.

Обессилена, разбита, заторможена. Сознание плывет, тело словно облако из пушистой ваты, душа где-то в невесомости, а мозг судорожно пытается взбодрить выжившие остатки нейронов и выстроить план на день.

Этой ночью я долго не могла уснуть. Я и так страдаю бессонницей, а если и проваливаюсь в дрему, то все равно остаюсь на чеку. Но вчера мне было особенно тяжело. Я ворочалась в постели, как одержимая духами, прокручивала голове события минувшего дня, мучилась от храпа, который проникал через две закрытые двери. Стены в квартире слишком тонкие, и часто мне бывает стыдно, что соседи отчетливо слышат ругань Семена. С матерью он играет примерного семьянина, а в ее отсутствие... спускает на меня всех собак. Бешеный. Не понимаю, за что он со мной так, и устала искать компромисс.

Отключиться мне удалось лишь под утро, буквально на

часик, а потом меня разбудил отчим. Он намеренно громко искал на кухне завтрак, которого для него нет и больше не будет, гремел посудой и матерился.

– Что скажешь, Лиля? – женский голос выводит меня из полузабытья.

– М-м-м? – мычу, отрывая расфокусированный взгляд от разбросанных вещей и поднимая его на коллегу.

Анфиса, ведущий логопед нашего центра, пристально изучает бардак, невольно устроенный мной в общем кабинете, который служит нам учительской, комнатой отдыха, а заодно местом для утренних планерок и послеобеденных сплетен. Сейчас, к сожалению, у сотрудников время бестолковой болтовни. Я стараюсь избегать таких посиделок, однако в этот раз не успела улизнуть по-тихому.

– Ты опять витаешь в облаках, – вздохнув, женщина неодобрительно покачивает головой: – Спрашиваю, пойдешь с нами в кафе? Ты в курсе, какой сегодня день? – неловко пожимаю плечами, и Анфиса закатывает глаза. – Наш профессиональный праздник. День педагогического работника. Мы по традиции отмечаем его в ресторанчике в центре. Из года в год. Ты с нами недавно, но пора вливаться в коллектив. Мне кажется, это отличный повод, – по-доброму подмигивает мне.

– Нет, спасибо за приглашение, но я занята вечером, – покосившись на остальных, принимаюсь суматошно сгребать свои вещи в сумку. – У меня встреча важная, – поглядываю

на часы. Время есть, но мне нужно успеть на автобус, добраться с пересадками, а потом еще пешком идти по элитному поселку, искать нужный дом... – Я спешу.

– Ого! Свидание? – доносится из кучки коллег, сидящих за столом в углу. И несколько пар любопытных глаз устремляются в мою сторону.

– Собеседование. В одну богатую семью требуется почасовая няня и репетитор для пятилетки. Хочу попробовать совместить обе должности. Опыт есть. Я уже созвонилась с агентством, предложила свою кандидатуру. Мне сообщили, что хозяин ждет, – важно отвечаю, забирая у них надежду на горячую сенсацию. Внимание ко мне тут же потухает, а педагоги возвращаются к прерванной беседе и кофе.

– Как ты все успеваешь? И в центре занятий набрала, и подработку нашла, – удивленно перечисляет Анфиса. – Как ты пашешь, то давно миллионершей должна стать.

Неосознанно она затрагивает болезную тему. Я действительно много работаю, но деньги не льются рекой, как в сказках. Каждая копейка добывается с трудом, а тратится за секунду. И опять не хватает.

– Лилия Владимировна на самолет копит, – ехидно тянет Оля. Студенка, проходит у нас практику, зато гонора хватит на весь женский коллектив. Меня она с первого дня невзлюбила, потому что я не согласилась прикрывать ее прогулы и ставить отметки за красивые глазки.

– Почти угадала, – холодно осекаю ее. – На мечту. В жизни

всегда должна быть цель.

– Пф, умные девушки вкладывают деньги в себя, чтобы выйти замуж за богатого, – открыто дерзит она, намекая на мою простую внешность. – Тогда не придется работать. Муж исполнит все мечты.

Усмехаюсь, ни капли не обижаясь на ее глупые умозаключения. Оля зациклена на красоте, а у меня другие приоритеты и ценности. Мне наоборот не хочется привлекать внимание сильного пола.

– А зачем богачу пустышка? – парирую я. За нашей перепалкой, затаившись, следят все присутствующие.

– Тебе не понять, – не подыскав аргументов, несмышленная студентка скатывается в хамство. Молодые специалисты поддерживают ее хихиканьем и перешептываниями.

– Значит, ты выбрала не ту профессию, Оль. Здесь все «глупые» – и ни одной жены миллионера, насколько я знаю, – аккуратно подкусываю особо ядовитых змей.

В кабинете повисает тишина, в которой раздается одобрителный смех Анфисы. Она всегда была на моей стороне. Улыбнувшись ей, подхватываю сумку и прощаюсь одними губами. С остальными общаться больше нет желания.

Молча разворачиваюсь, однако взгляд скользит мимо открытого окна и цепляется за знакомых мальчишек, прыгающих по лужам во дворе.

– Почему дети Воскресенского не на занятии? Что у них сейчас по расписанию? Точно не английский, – хмуро уточ-

няю. Таким тоном, будто это мои родные сыновья и я готова порвать за них каждого. Сама не понимаю, почему они вызывают бурю эмоций в моей душе и пробуждают инстинкт заботы. Чуть ли не материнский, хотя это мне чуждо.

– Математика для самых маленьких. У педагога форс-мажор, и он экстренно отменил занятие. Мы узнали об этом поздно, когда их водитель уже уехал, – Анфиса становится рядом, вместе со мной наблюдает за резвящимися непоседами. – Неугомонные, – вздыхает шумно. – Нелегко с ними отцу, наверное. Деловой бизнесмен, а дома дурдом каждый день.

– Обычные дети, – защищаю их искренне, в то время как Даня толкает Лешу, и тот шлепается попой на сырую траву. Отбивается от брата сумкой, из которой вылетают ручки и тетрадь. По всему двору разносится залиvistый детский смех. – Разве что немного активнее и эмоциональнее других, – тихонько добавляю, сморщившись от представшей картинки.

Маленькие забияки, не подводите меня! Ведите себя прилично. Я же на вашей стороне!

– Живчики, – мягко смеется логопед.

Невольно вспоминаю мокрое кресло, свою пятнистую юбку, прятки за шкафом. Действительно шалопай, но до чего же милые.

– Почему за ними не смотрит никто? Виктору Юрьевичу позвонили? – уточняю обеспокоенно и жестко, а сама не сво-

жу глаз с мальчишек, будто я лично несу за них ответственность, а не пропустивший занятие математик.

– Конечно, уже сообщили. Ждем, пока заберут, – чеканит Анфиса четко и быстро, словно я ее начальство. – Инне поручили последить за ними, у нее как раз окно...

– Плохо следит, – фырчу и вздрагиваю, когда Даня хватается вещи Леши и, размахивая ими, пускается наутек. Оба не разбирают пути, спотыкаются и едва не падают, разбаловавшись. – Да мы же Воскресенскому двух чумазииков вернем! Думаете, он нас за это по голове погладит? – повышаю голос, ненароком привлекая внимание коллектива.

На нервах я веду беседу слишком строго и требовательно, поэтому Анфиса, несмотря на возраст и педагогический стаж, теряется, как моя ученица.

– А что мы? – разводит руками. – Не наши часы, мы не виноваты. Инна ведь рядом, просто не успевает за ними. С этими пострелами попробуй справиться!

Она права, но только отчасти. Воскресенский в порошок сотрет всех без разбора, если с мальчишками что-то случится. Но самое главное... я сама себе этого не прощу. Значит, сегодняшняя встреча с потенциальными работодателями откладывается.

– Я побуду с ними, – заявляю неожиданно для самой себя. – Надеюсь, Игорь приедет быстро, чтобы я успела на собеседование, – мысленно умоляю водителя поторопиться.

Ругаю себя за то, что опять лезу в чужие дела и беру лиш-

ние обязательства, однако ноги не слушаются голоса разума, а настойчиво несут меня к выходу. Схватив в холле плащ, я накидываю его на плечи, не замедляясь ни на секунду.

– Инна, свободна, – бросаю по пути зевающей на крыльце коллеге. – Близнецов мне перепоручили.

– Аллилуйя, я спасена, – бурчит она и тут же исчезает.

Вылетаю на улицу под морозящий дождик. Недовольно кривлюсь от холодных капель, окропляющих лицо и волосы. Ускоряю шаг, чтобы быстрее забрать детей. Не хватало им еще промокнуть и заболеть.

– Лиля! – мгновенно замечают меня и несутся навстречу. – Ты опять папу позовешь? – просят с надеждой. Обнимают мои ноги, нырнув между полами расстегнутого плаща, и оставляют влажные пятна на брюках. Но мне все равно, даже если испачкают. Я охотно наклоняюсь к ним, поглаживаю темные макушки. Все-таки папины дети, похожи на Виктора как будто на копировальном аппарате отпечатаны.

– За вами уже едут. Я не знаю, кто именно, – выпаливаю честно, потому что лгать детям не умею. И виновато улыбаюсь.

– И-эх, – взмахивает рукой Даня, случайно цепляет Лешу и хлопает его по затылку.

– Эй, не дерись, – заводится тот с полуоборота. Несмотря на сухощавую комплекцию, нападает на крепкого брата и берет его в цепкий захват.

– Прекратите сейчас же, – сурово отчитываю и разнимаю забияк. – Вы же приличные парни! Я уйду, если не остановитесь, – срываюсь в легкий шантаж. Зато прием срабатывает.

Мальчишки отскакивают друг от друга, тяжело дышат и жалостливо смотрят на меня, почти не моргая. Складывают ладошки перед собой в умоляющем жесте.

– Что мне с вами делать? – шепчу сквозь улыбку, которую не могу спрятать. – В центре вы не хотите дождь пересидеть?

– Там ску-учно, – подпрыгивает на месте Даня.

– Лучше гулять, – вторит ему Леша.

Быстро же они помирились и встали по одну сторону баррикад. Бороться против них у меня нет сил и желания.

– Не получится, дождь усиливается, – протягиваю к детям руки, обхватываю их мокрые ладошки. Затихнув, мальчишки послушно плетутся за мной. – Переждем непогоду в кондитерской через дорогу, – киваю на небольшое здание, очертания которого видны уже отсюда, в широких просветах между коваными прутьями забора.

– Е-е-ес! – дергают меня за руки ребята, воодушевленно тянут к воротам и визжат так, что я зажмуриваюсь.

Среди воплей и смеха с трудом удастся различить телефонный звонок. На дисплее – имя, которое мигом охлаждает мой пыл, заставляет меня широко раскрыть глаза и судорожно сглотнуть.

– Слушаю, Виктор Юрьевич, – приветствую его сдержанно и деловито, упорно скрывая настоящие эмоции.

Каждый разговор с этим холодным, загадочным мужчиной вызывает в душе целую гамму противоречивых чувств. После личной встречи мне еще сложнее оставаться безучастной и отрешенной. Объяснить свою реакцию не могу, совладать с ней – тем более. Пальцы подрагивают, сжимая телефон, а я замираю в ожидании очередной словесной стычки. Воскресенский наверняка в ярости из-за сорванного занятия, ведь у него все должно быть по графику.

– Там папа? – улавливают наш разговор Даня и Леша, тут же наострив ушки. – Папа! Папа! – хлопают в ладоши.

– Они с вами, – с заметным облегчением выдыхает в трубку Виктор. – Слава богу.

– Что? – недоуменно выпаливаю. – Вы мне собственных детей так доверяете?

– Почему я не должен вам доверять, Лилия Владимировна? – уклоняется от ответа. – Вам есть, что скрывать от меня?

– Разумеется, нет, но...

– Тогда ни к чему лишние разговоры, – жестко перебивает меня. – Я задерживаюсь, поэтому и решил позвонить вам и попросить, чтобы вы лично проверили мальчишек. На случай, если приставленный к ним педагог, чьего имени я не запомнил, окажется таким же бестолковым раздолбаем, как математик.

Виктор доходит до точки кипения. Его раздражение не только слышится в стальном голосе, но будто даже проникает в динамик телефона, ползет по сотовой сети и выплески-

вается в атмосферу, нагнетая ее до предела.

– У него форс-мажор, – машинально оправдываю коллегу.

– Защищать других – неблагодарное дело, Лилия. Никто вас за это не поблагодарит, только зря себя подставляете, – поучительно тянет Воскресенский.

– Человек человеку волк? – хмыкаю, придерживая ворота, пока мальчишки покидают территорию центра.

Слышу шум заводящегося двигателя и автомобильные гудки. Дергаюсь, инстинктивно хватаю детей за одежду, притягиваю к себе. Осмотрев полупустую дорогу, осознаю, что звуки доносятся из трубки.

– Подождите, я правильно понимаю, что... – говорю тише, чтобы не спугнуть момент: – вы лично едете за детьми? Неужели нашли окошко в своем плотном графике? – сарказм срывается с моих губ, и я тут же закусываю нижнюю. – А как же Игорь?

– Я дал ему кое-какое поручение... – хрипло говорит Виктор, будто что-то скрывает, и откашливается. – Я успел бы приехать к концу занятия, если бы ваш придурок не отменил его без предупреждения, – цедит зло.

– Извините...

– Не извиняйтесь за других, – вновь отчитывает меня, как глупую, наивную девчонку, чем раздражает неимоверно. – Черт! Опять пробка, – сигналил так, что у меня закладывает уши.

В динамике раздается целая какофония звуков и слав-

ленных ругательств. Пугающие гудки, визг тормозов, шум оживленной трассы. Мне становится по-настоящему страшно.

– Успокойтесь, Виктор Юрьевич! – взволнованно откликаюсь я. Чувствую, как сердце заходится в груди. – Не торопитесь, я буду с мальчиками вплоть до вашего приезда. Мы посидим в кафе через дорогу. Вы легко его найдете по вывеске.

– Зачем в кафе? – удивленно переспрашивает он.

– А для чего, по-вашему, люди ходят в кафе? – смеюсь, взлетая по ступенькам. Толкаю дверь, чтобы впустить детей в теплое помещение. Вдыхаю сладкие ароматы выпечки. – Пирожные есть. Да, мальчишки? – усаживаю Даню и Лешу за круглый столик у окна.

– Понял, я скоро, – бесстрастно отрезает Воскресенский, и конец его фразы вновь тонет в сигналах нетерпеливых водителей.

Боже, что он делает? К нам торопится или... на тот свет? Сумасшедший!

– Виктор Юрьевич, ваши дети в надежных руках. Верьте мне и берегите себя, – порывисто выдыхаю. По ту сторону линии воцаряется напряженное молчание. – Вы нужны им. Ваша жизнь важнее, так что будьте внимательны и осторожны на дороге.

Моя очередь его отчитывать. Судя по паузе, Воскресенскому такой выпад не по душе. Я устала подстраиваться под

его настроение, в нем заключены все оттенки мрачного и нет ни одного лучика света. Он сам не устал от тьмы, которой окружил себя? Видимо, ему комфортно, когда душа изнывает в тюремной камере.

– Хм, жизнь. Ну да, – неопределенно хмыкает он. И отключается, не прощаясь.

Растерянно убираю телефон, напоследок мазнув по гаснущему дисплею большим пальцем, и шумно выдыхаю через рот. Не знаю, чем я на этот раз задела Виктора. Что я сказала не так? Наоборот, пыталась сгладить острые грани... и все равно поцарапалась.

Воскресенский слишком таинственный и закрытый. В отличие от озорных мальчишек, на которых я и обращаю все свое внимание, чтобы отвлечься от угнетающего разговора с их жутким отцом. Нас ждет как минимум полчаса отдыха, что для меня непозволительная роскошь, и я намерена насладиться каждой минутой в компании лучезарных детей.

Искренний, переливчатый смех разносится по кафе – и я с удивлением осознаю, что он вырывается из моей груди. Давно я не чувствовала себя такой расслабленной и счастливой. Запрещала себе наслаждаться жизнью, да и подходящего случая для этого не было.

С мальчишками я становлюсь другим человеком, чистым, беззаботным, обновленным. Они напитывают меня наивной детской энергией, согревают душевным светом. Сопротивляться невозможно. И не хочется. Поэтому я позволяю себе

раствориться в моменте и плыть по течению.

– Какие вы у меня замарашки, – ласково отчитываю их и тянусь за салфетками.

Стоит мне на секунду отвести взгляд, как ребята успевают еще сильнее перепачкаться кремом. Леша специально окунает пальчик в пирожное, а потом щелкает им брата по носу, оставляя жирный след. Хрюкает, изображая поросенка, за что получает затрещину от Дани. С диким хохотом они нападают друг на друга прямо за столом.

Маленькие задиры, специально привлекают мое внимание. Их борьба шуточная, не злая – и направлена, прежде всего, на меня. Я – зритель в театре двух актеров, которые жадуют отклика «аудитории».

– Так, брейк! – фырчу на них, проглатывая смешок. – Разошлись по разным углам ринга! – строго свожу брови.

– Ай-м сорри, – нараспев лепечут оба и, взмахивая угольно-черными ресничками, мило улыбаются.

– Пить хочется, – жалуется Леша, а Даня кашляет от смеха.

Пользуясь временным затишьем, вытираю их испачканные личики и ручки. Наливаю чай, разбавляю его водой из графина, двигаю кружки к детям. Перевожу дыхание, пока они с жадностью запивают сладости.

По спине прокатывается волна жара. Огненная сфера бьет между лопатками, разгоняя жидкий огонь по венам. Легкие взрываются, лишая меня кислорода.

Я знаю, чей взгляд буравит мою спину. Я чувствую его еще до того, как обернусь. Узнаю по тяжелым, нервным шагам. Догадываюсь, кто останавливается позади, раньше, чем мальчишки завопят в унисон:

– О, папа приехал! – и подскакивают со своих мест, чудом не смахнув тарелки со стола. Посуда позвякивает на самом краю.

– Собирайтесь, мы спешим, – доносится над самой макушкой, и я машинально запрокидываю голову. – Здравствуйте, Лилия Владимировна, – грудной бас окутывает хрипотцой.

Импульсивно поднимаюсь, едва не стукнувшись о левую, щетинистый подбородок. Тяжелая ладонь вовремя опускается на мой затылок, оберегая от удара. Вторая рука ложится на плечо, осторожно сжимая. Воскресенский невозмутимо, спокойно и немного лениво делает шаг назад. Ведет себя так холодно, будто просчитывает каждый мой хаотичный рывок наперед. Двигается неторопливо, но четко.

– Добрый день, Виктор Юрьевич, – разворачиваюсь к нему лицом.

Кивает коротко, небрежно, жестом подзывает детей, собирается приобнять их, но отвлекается на подошедшего официанта. Улыбчивый парень протягивает нам счет. Машинально хочу взять и расплатиться, однако Виктор отстраняет меня. Не посмотрев сумму, достает несколько купюр и пренебрежительно отдает официанту, отмахнувшись от

него. Молча простреливает меня хмурым, янтарным взглядом, предупреждая мои возмущения. Возможно, в другой ситуации я действительно воспротивилась бы, но сейчас, когда он так близко, предпочитаю не провоцировать его. Проглатываю все слова, что крутятся на языке, и выдавливаю из себя благодарную улыбку.

– Папа, попробуй! – требовательно зовет Леша.

– Да, вот это вкусно, – Даня отламывает ложкой кусочек своего тортика и подает отцу.

Вопреки моим ожиданиям, Воскресенский вдруг приседает к ним и послушно берет угощение. Кажется, улыбается при этом, но мне сбоку сложно рассмотреть выражение его лица. Мальчишки победно хихикают, словно достигли заветной цели. Как мало им порой надо для счастья – всего лишь капелька отцовского внимания.

– Давно были вместе в кондитерской? – догадываюсь по их поведению.

– На День рождения, – выпаливают они, сдавая папу.

– А когда...

– Лилия, прошу вас, избавьте меня сегодня от ваших лекций, – отсекает меня Виктор и встает, опираясь рукой о край стола. Случайно цепляет рукавом пиджака тарелку, мазнув по пирожному. Даже не замечает, что испачкался.

Порывисто перехватываю его ладонь, слишком горячую для такого ледяного мужчины. Поворачиваю к себе, осматриваю масштаб нанесенного тортиком ущерба. Игнорирую

ошеломленное покашливание Виктора, салфеткой аккуратно убираю прилипший крем, а потом беру солонку со стола.

– Вы неаккуратны, – отчитываю его, как нерадивого ребенка, и щедро посыпаю пятно на рукаве солью.

– Что вы делаете, Лилия? – опешив на мгновение, недоуменно выдает Воскресенский. От шока даже не думает сопротивляться. Просто стоит, замерев и превратившись в скалу, и наблюдает за моими действиями.

– Соль поможет справиться с жирным следом, – начинаю говорить смело и твердо, но под конец фразы от моей решительности не остается и следа. Что я делаю? Я ведь не в центре, а темноглазый, мрачный мужчина напротив – не один из моих малышей. – В противном случае пятно въестся в ткань и не отстирается, – лепечу в свое оправдание.

– Это не ваши заботы. И не мои, – забирает ладонь из моей слабой хватки. И сжимает в кулак. – Я просто отдам пиджак в химчистку.

– Да, простите, – качаю головой, чувствуя себя полной душой. В мире Воскресенского все решают деньги. Ему не нужно беречь вещи или экономить на чем-то. Мы разные, и нам никогда не понять друг друга.

– Или новый куплю, – подтверждает мои мысли, а потом добавляет тише, с ухмылкой: – На деньги, вырученные от возврата вашего костюма в магазин...

Значит, я не ошиблась офисом, не зря сделала утром крюк на автобусе и лично передала посылку охране. Все хорошо,

она попала по назначению.

– Спасибо вам еще раз, – прячу взгляд.

Я поступила правильно, но все равно теряюсь под испытывающим, укоризненным темным взглядом. Чтобы не сгореть от стыда, переключаюсь на мальчишек. Вывожу их в холл, помогаю одеться.

– Более адекватной благодарностью было бы, если бы вы оставили одежду себе. В конце концов, подарки не возвращают, – чеканит Виктор, приближаясь сзади.

На мои плечи внезапно опускается плащ. Вздрагиваю от неожиданного проявления заботы, от близости Воскресенского, от тепла его пальцев.

– Виктор Юрьевич, вам не понять, – вспыхнув, как подожженная вата, я оборачиваюсь. – Мы с вами из разных миров. Для меня это дорого, а я не люблю оставаться в долгу перед чужим человеком. Мне от вас ничего не нужно, кроме...

– Хм? – заинтересованно хмыкает он, поймав мой взгляд.

– Кроме вашего активного участия в жизни детей. Ваших же детей, – настаиваю, заметив перемену его настроения. – Этим вы очень поможете мне как педагогу, – с трудом выдерживаю зрительную схватку. – И себе тоже. Вам еще долго растить и воспитывать своих сыновей, так что очень важно не упустить их с детства, – все-таки заканчиваю шепотом.

Воскресенский не отвечает. Выглядит так, будто я причинила ему боль своими словами. Молча открывает стеклян-

ную дверь, морщась от трели колокольчика, и пропускает меня на улицу.

– Куда вас подвезти, Лилия? – спрашивает спустя время, когда мы оказываемся на парковке.

– Я не хотела бы отнимать ваше ценное время, – язвительно бросаю, а сама кутаюсь в плащ и ежусь под усиливающимся дождем.

– Время... – задумчиво повторяет Виктор. Усаживает детей в автокресла, после чего требовательно обращается ко мне: – Однако вы отнимаете его. Своей пустой болтовней. Садитесь в машину и говорите адрес, – распахивает передо мной пассажирскую дверь.

Разряд грома недвусмысленно намекает мне, что пора спрятать глупую гордость в дальний уголок души. В конце концов, Виктор не предлагает ничего предосудительного, а я опаздываю на собеседование.

– Спасибо, – удивляю нас обоих своей покорностью. Занимаю место рядом с водителем, диктую улицу и номер дома.

– Уверены? – почему-то уточняет Воскресенский, иначе смотря на меня. Напряженно и настороженно.

– Да, – проверив данные в объявлении, подтверждаю убедительно. – Но если вам далеко и неудобно...

– Лилия, прекратите. От ваших «но» у меня начинает болеть голова. Иногда нужно быть проще и уметь принимать помощь, – устало произносит он и трогается с места.

Отворачиваюсь к окну, за которым разворачивается буйная стихия. Мысленно благодарю Виктора, но вслух боюсь даже пикнуть. На протяжении всего пути в теплом салоне звучат лишь голоса детей.

Глава 8

Виктор

Я солгал, когда небрежно обронил, будто у меня болит от Лили голова. На удивление, нет. Наоборот, ее голос воспринимается как нечто приятное и успокаивающее. Интонации, тембр, переливы – ничего не раздражает. А смех... Его я сегодня услышал впервые. Мельком в кафе, на протяжении каких-то пары секунд, приглушенный хохотом и радостными воплями детей. Но и этого хватило, чтобы он застрял в моем мозгу. Непривычно искренний и настоящий, в отличие от жеманного, кокетливого женского хихиканья, к которому я привык.

Воспроизвожу этот смех мысленно, потому что в реальности его не хватает.

Шум дождя, перешептывания мальчишек, гул двигателя... Все как обычно. Так, как должно быть по пути домой. А ощущение, будто деталь пазла выпала, без которой картина внезапно стала неполной.

Не отвлекаясь от дороги, боковым зрением улавливаю очертания Лили. Она сидит, съежившись в кресле, кутается в тонкий плащ. На меня не смотрит – отвернулась к окну, за которым видна лишь плотная завеса дождя.

Обиделась на мои резкие слова? Недаром затаилась, как мышонок. Ведет себя по-детски. Хреновый, значит, психо-

лог, если с собственными реакциями совладать не может.

Молчит, объявив мне негласный бойкот, часто, дробно дышит, оставляя рваные следы пара на запотевшем стекле, и делает вид, что любит пейзажами.

Не верю. Нечего там разглядывать. Такой ливень обрушился на землю, что дорогу хрен разберешь. Благо, я знаю маршрут...

– Куда вы направляетесь, Лилия? – разрываю тишину, когда она становится невыносимой.

Училка вздрагивает от неожиданности, тяжело выдыхает, украдкой стирает влажное пятно, оставляя на стекле отпечатки пальцев – и спустя секунду поворачивается ко мне.

– Если скажу, что домой, не поверите? – запахнув плащ по самое горло, все равно мерзнет, но старается не подавать вида и ничего не просит.

«Такая и не попросит», – мелькает в сознании, а уголки губ криво дергаются то ли в ухмылке, то ли от недовольства.

– Нет, – потянувшись к приборной панели, усиливаю обогрев, хотя, если честно, мне и так уже жарко и душно. – Домашний адрес не сверяют по бумажке.

– У меня собеседование на должность репетитора и няни, – признается прямо и открыто, не выкручиваясь и не заигрывая. Лиля слишком простая для этого.

– С кем вы договаривались? – уточняю, а сам судорожно копаюсь в закромах памяти.

– Через агентство. Мне сказали, что меня будет ждать... –

ныряет в потрепанный кармашек дешевой китайской сумочки и достает сложенный вчетверо листок. Опять вчитывается в свой красивый почерк, только теперь не улицу называет, а имя: – Альбина Степановна. Я так поняла, это не хозяйка, а...

– Управляющая, – машинально выпаливаю, осторожно входя в поворот. Все становится на свои места.

– Да, – соглашается, не заметив подвоха, и аккуратно убирает «шпаргалку» на место. – Если я ей понравлюсь, тогда меня представят хозяину, и мою судьбу будет решать уже он, – сообщает, но не останавливает на этом поток речи. Продолжает размышлять вслух: – Хотя правильнее было бы в первую очередь познакомить меня с ребенком. Ведь если с ним не получится наладить контакт, то и продолжать нет смысла, – возмущенно отчитывает воображаемого собеседника. Не догадывается, что адресат ее гневной тирады находится ближе, чем она думает. – Мне же не с отцом сидеть...

– Получится, – бросаю взгляд на сыновей и удовлетворенно хмыкаю. Все складывается удачно. Однако меня мучает один вопрос: – Вам так нужны деньги, Лилия?

– Работа, – строго исправляет она меня.

– Это одно и то же, – скептически хмурю брови.

– Не всегда, – занудно спорит. – Деньги добываются разными способами, не всегда честными и чистыми. А я хочу именно заработать. Своим трудом...

– Значит, нужны деньги, – делаю единственно верный вы-

вод, однако мои слова вынуждают Лилю нервно фыркнуть. Гордая, хотя в ее положении это мешающий фактор. – Я мог бы вам предложить должность...

– В строительной компании? – перебивает Лиля, превращаясь в напряженный серый комок. – Вы же ею руководите? Ни за что! Я там работать не буду, – выпаливает испуганно, с налетом горечи.

Покосившись на часы, отсчитываю время до возвращения Игоря. Надеюсь, он нарочит всю информацию об этой странной, таинственной девчонке. Ему и так пришлось бы это сделать, ведь теперь у меня появилось полное право ею интересоваться.

– Почему? – все-таки уточняю, недовольный отторжением Лили к делу всей моей жизни. Точнее, теперь уже ее жалкого остатка длиной в год.

– Личный триггер, – опускает голову, чтобы спрятать взгляд. Хотя в ее больших серых глазах я и так ничего прочесть бы не смог, будто блок стоит.

– Лилия, кажется, вам самой не помешал бы психолог. Сапожник без сапог? – хмыкаю невозмутимо и поглядываю на притаившихся мальчишек. Два сгустка чистого любопытства, они подслушивают нас, впитывая каждое слово.

– Не буду спорить, – бубнит в ответ, уставившись на свои тонкие, наверняка холодные пальцы. – Каждый человек рано или поздно нуждается в помощи специалиста. У нас слишком нервная жизнь. К сожалению, лишь единицы это пони-

мают, – растирает ладони.

Ставлю обогрев на максимум. Дергаю себя за ворот рубашки, ослабляя его. Зажариться можно с этой мерзлячкой, но приходится терпеть, чтобы она не простудилась. Больничный в виду последних событий нам ни к чему.

– Нет абсолютно здоровых – есть не дообследованные? – бросаю напоследок. Невольно пробуждаю собственные триггеры.

Больше не нарушаю молчание. До тех пор, пока в поле зрения не появляется нужный дом. Замедляю движение.

– Спасибо, что вы... – начинает тараторить Лиля, чуть ли не на ходу выпрыгивает из салона. – А куда? – озадаченно осматривается.

Подаю сигнал охране, и ребята шустро активируют ворота. Жду, пока тяжелая конструкция отъедет вбок.

– Въедем на территорию, чтобы не мокнуть под дождем, – киваю начальнику в знак приветствия.

– Я бы сама добежала. Вы же торопитесь, – по-прежнему не догадываясь, что происходит, Лиля сопротивляется на автомате. Будто это встроенная функция, которая никак не отключается. Или брак при производстве. Сложно мне придется с такой «несовершенной моделью». Я привык к беспрекословному подчинению.

Покачав головой, выхожу из машины, перехватываю зонт у подбежавшего охранника. Обхожу капот, чтобы открыть пассажирскую дверь.

– Да, Лилия Владимировна, в точку, – подаю ей руку. – Домой дико хочется, поэтому, будьте добры, пошевеливайтесь, – повышаю голос.

Чувствую прохладу на ладони, словно ветерок прокатился. Я был прав: ее кисть ледяная. А еще маленькая и невесомая. Едва касается моей, подрагивая.

– Хм, благодарю, – лепечет Лиля растерянно, принимает зонт и шагает под ним к крыльцу.

Мы с мальчишками следуем за ней.

– О, а Лиля в гости к нам? – спохватывается Леша, соригенировавшись быстрее англичанки.

– Класс, – одобрительно кивает Даня, шлепая по островкам воды.

Лиля оборачивается, непонимающе сводит брови, изучая нас. Не замедляя шаг, случайно сталкивается на пороге с управляющей. Лихорадочно извиняется.

– Добрый вечер, Альбина Степановна, – передаю женщине детей.

Пока она помогает мальчикам разуться, Лиля застывает рядом со мной, будто вращая в землю. Терпеть не могу, когда подчиненные туго соображают, но ей прощаю замешательство.

– Виктор Юрьевич, у нас гости? – управляющая сканирует хрупкую фигурку встроенным рентгеном. И тоже тормозит, как допотопный компьютер. – Что же вы не предупредили, я бы...

Устав от объяснений и пустых переговоров, я укладываю ладонь на поясницу Лили.

– Не совсем, – подталкиваю ее в теплый коридор, иначе так и будет стоять под дождем, изображая из себя садовую статую. – Лилия Зимина, соискательница на должность нашей няни. Вы должны быть в курсе, – небрежно представляю девчонку, и ее лихорадочный, ошеломленный вздох прокатывается по помещению.

– Да... Агентство... – Альбина восстанавливает логическую цепь. – Вы опоздали, – пристреливает и без того растерянную Лилию строгим взглядом, но спотыкается о мой предупредительный – и смягчается. – Сейчас я быстренько собеседование проведу.

– Это лишнее, – отрезаю бесстрастно и прохожу вглубь дома. – Она принята. Оформляйте.

– Хотя бы рекомендации проверю, – включает неуместный профессионализм. Начинает утомлять меня.

– Даня, Леша, вам Лилия нравится? – выкрикиваю в холл, где возятся с одеждой сыновья.

– Да! – одновременно показывают большие пальцы в знак одобрения. Вот кто в этом доме понимает меня с полуслова. Пятилетки умнее и находчивее взрослых.

– Как видите, рекомендации у Лилии Владимировны отличные.

– Как скажете, Виктор Юрьевич, – лениво растягивая слова, со скрипом произносит Альбина и поворачивается к по-

бледневшей англичанке. – Жду вас завтра в восемь со всеми документами. Не опаздывайте.

Лиля неестественно медленно взмахивает ресницами, заторможено переводит взгляд с управляющей на меня, смотрит не моргая, будто читает только по губам и если отвернется – пропустит важную информацию. Внешне почти ничем не выдает своего настроения. Поза не меняется, руки крепко держат сумочку, плечи опущены. Может, так кажется из-за бесформенного светло-коричневого плаща, который совершенно не идет девчонке: добавляет ей возраст, прячет фигуру, невыгодно оттеняет и без того бледную кожу. Похож на кокон, в котором прячется бабочка и не хочет освобождаться. Не учитывает, что если не выберется в нужный момент, оболочка затвердеет, навсегда похоронив ее внутри. Глупой, упертой бабочке уже не суждено будет расправить крылья и взлететь. Но это ее жизнь и ее выбор.

– Альбина Степановна, на сегодня можете быть свободны, – выдыхаю вперед, не разрывая зрительного контакта с Лилей. Считаваю каждую ее эмоцию, однако на бескровном лице будто застыл гипсовый слепок. Кокон все прочнее. – Утром Лилия будет здесь, потому что... сейчас она никуда не уезжает, – озвучиваю свое поручение намеренно холодно и безапелляционно.

Не знаю, что со мной происходит в этот момент. Возможно, побочные эффекты болезни, лекарств и не отпускающей мигрени, но... Продолжаю с неадекватным любопытством

наблюдать за Лилей, как будто она особо редкий подопытный экземпляр.

Нежно-розовые губы поджимаются, превращаясь в напряженную прямую линию, брови сходятся к тонкой, ровной переносице, а в больших серых глазах переливается ртуть.

– Виктор Юрьевич, а не слишком ли много вы на себя берете? – Лиля говорит тихо и размеренно, но каждое ее слово пропитано иголками, и она беспощадно стреляет ими в меня.

– Ну, наконец-то, – усмехаюсь. – А то я уже думал, что с вами не так? Переживать начал за пострадавшую психику психолога, – вальяжно шагаю к ней, становясь практически вплотную. Не боится. Наоборот, вызов бросает всем своим видом. – Проходите, располагайтесь. Ужин через полтора часа. Плащ Альбине передайте, иначе вы мне гостиную каплями забрызгаете.

Мое приглашение звучит как приказ. Отдав его, невозмутимо иду к сыновьям, боковым зрением поглядывая за Лилей. Поборов первый шок, она вспыхивает от недовольства, покрываясь легким румянцем, и он ей к лицу.

Забывшись, делает шаг – и замирает на пороге, не рискуя наступить на идеально вычищенный паркет. Судя по напряженному выражению лица, она прокручивает в голове мои слова. Пойти против и сделать назло ей не позволяют воспитание и врожденная бережливость. А еще Лиля уважает чужой труд, поэтому со вздохом снимает обувь и плащ, сама относит их в коридор и аккуратно раскладывает по местам,

чтобы не утруждать Альбину. Нехотя возвращается.

– Почему вы не сказали, что мы едем к вам домой? – приближается к нам с мальчишками, почему-то при этом не выпуская сумку из рук. Словно это ее единственное орудие защиты.

– Что бы это изменило? – вскидываю бровь.

– Как минимум, это было бы честно, – по-учительски строго поддевает меня, заставив сцепить зубы.

– А я вам и не лгал, – после паузы, необходимой мне, чтобы совладать с эмоциями, я бесстрастно продолжаю: – Лилия, в машине вы подтвердили, что вам нужна работа. Собеседование вы прошли, с хозяином пообщались, – указываю на себя, а потом на ребят: – Детей вы хорошо знаете. Сами же говорили, что контакт с подопечными важен. У вас он есть. Вы нам подходите, а мы – вам. Не понимаю, в чем нечестность?

– Мне сказали, что мальчик будет один... – задумчиво лепечет.

Видимо, пытается осознать свою ошибку и найти себе оправдание, ведь она приехала на собеседование вслепую, ничего не узнав заранее о семье. Понимает, что не права, но винит меня и злится. Хотя я и сам терпеть не могу ложь.

– Альбина Степановна? Что значит «один»? – грозно окликаю управляющую, которая уже собралась уходить.

– Совет агентства, – не теряется она. – Там решили, что няню для одного ребенка проще будет найти, тем более, в

нашей ситуации, когда никто не задерживается дольше пары месяцев. Мы почти всех кандидаток перебрали. Последнюю, Аллу Ивановну, почетнейшую няню с багажом знаний и опытом работы... – укоризненно зыркает на близнецов. – Даня закрыл в кладовке, пока Леша громко и жалобно просил ее выпустить, иначе крысы съедят. В итоге, пришлось вызывать скорую. Благо, все обошлось, но ноги Аллы Ивановны здесь, разумеется, больше не будет.

Как по команде, мы с Лилей одновременно поворачиваемся к мальчишкам и посылаем им укоризненные взгляды.

– Она обзывалась, – оправдывается Даня.

– У Аллы Ивановны стаж и... – грозит пальцем Альбина, но я жестом останавливаю ее. Хочу выслушать версию детей.

– А там правда крысы, – пожимает плечами Леша и надувает губы, обиженный недоверием.

– В этом доме нет никаких вредителей! – повышает голос управляющая. Прищуривается так, будто хочет добавить: "Кроме вас". Но при мне не рискует.

Морщусь, взметая руку к виску, надавливаю средним пальцем. Опять ноет.

– Я слышал, – спорит Леша.

– Трусишка, – показывает ему язык Даня.

– Сам такой!

Мальчишки заводятся с полуоборота, нападают друг на друга и пытаются драться. Правда, получается неумело и неловко. Выглядит так, будто два котенка бьют друг друга

мягкими лапками и фырчат. Вдвоем валяются на диван.

– Вот видите, с ними никакая няня не справится, – победно хмыкает Альбина.

Вот только в этот же момент рядом с детьми оказывается Лиля. Хрупкой девчонке даже не приходится разнимать их – они сами, почувствовав ее присутствие, отлетают друг от друга, как два мячика.

– Мальчики, как вы себя ведете? – покачивает головой Лиля, и унылый тугой хвост на макушке двигается в такт.

Присев, она поправляет на Дане и Леше смятую одежду, застегивает пуговицы, приглаживает взъерошенные волосы. При этом постоянно что-то нашептывает им, будто заговор читает. Все больше склоняюсь к чертовщине, когда лица сыновей становятся серьезными, а темные головки послушно кивают.

– Лилия справится, – убедительно отвечаю Альбине и мысленно добавляю: «Ведьма».

Глава 9

Как только за Альбиной захлопывается дверь, Лиля подсакивает на ноги и с опаской озирается по сторонам, будто боится остаться со мной «без свидетелей».

Зашуганный мышонок. Никогда не сталкивался с такими и не знаю, как реагировать. Молча слежу за ее метаниями, жду, когда она предъявит вслух свои претензии. Гадать по звездам – не мой конек. Я приземленный практик.

– По условиям, я должна приходить к вам в назначенные часы, а не оставаться на всю ночь, – Лиля выверяет каждое слово, при этом держится ближе к детям.

Чувствую себя чудовищем в этот момент, хотя не желаю ей зла. Наоборот, помогаю в сложной ситуации. Неблагодарная.

– Посчитаете все часы, проведенные в этом доме – и я оплачу каждый, – вижу, как она хмурится, и сам ощущаю неконтролируемое раздражение. – Не упрямитесь. Поверьте, мало кто из моих подчиненных получает зарплату за ужин и сон.

– Какая честь, – фыркает себе под нос, но, опомнившись и съездившись под моим испепеляющим взглядом, инстинктивно пятится к дивану. – Извините, я привыкла трудиться, – заканчивает мягче и тише.

– Круглосуточно? У вас бессонница? – нервно парирую,

установку договаривать ее. – Хорошо, найдите себе любое занятие до утра, только не гремите сильно, а завтра – оформитесь и отвезете мальчишек в центр.

Надоело до чертиков бодаться с ней. Все, чего я хочу сейчас, – пойти в кабинет, выпить свои гребаные таблетки и провести несколько минут в тишине, пока не прекратится пульсация в висках. Начинаю жалеть, что привез Лилию домой. Надо было отказать ей, как только она озвучила адрес.

– Нет, – летит в затылок огненной стрелой, стоит мне отвернуться. Невыносимая. – Мне кажется, мы с вами не срабатываемся.

– Плачу вдвое больше озвученной агентством суммы, – вопреки здравым мыслям послать все к черту, я цепляюсь за Лилию, как утопленник за последнюю соломинку. Иду вабанк, забывая, что эту принципиальную упрямыцу деньгами не завлечешь, хоть она и нуждается в них. Парадокс.

– Вы пытаетесь купить меня, – чуть слышно бросает с обидой. Что, собственно, и ожидалось.

– А вы торгуетесь, – кусаюсь в ответ. С другой давно бы попрощался, но перепалки с Лилей зачем-то терплю. Более того, провоцирую ее на противодействие.

– Ну, знаете ли!..

Вспыхнув, гордо направляется к выходу, но близнецы преграждают ей путь. Позволяю им вступить в игру, потому что сам я пас. Если у них ничего не получится, значит, не судьба. Найдем очередную «опытную няню», которая про-

держится до тех пор, пока дети и ее где-нибудь не закроют.

– Лиля, не уходи. Хочешь конфетку? – Леша использует мою тактику ведения переговоров, только вместо денег предлагает сладости. Причем не свои... – Даня! – подает знак брату.

Тот ныряет рукой в карман, сосредоточенно роется там некоторое время, достает что-то в крепко стиснутом кулаке.

– Шоколадная, – Даня разжимает ладошку, на которой красуется растаявшая, вытекшая из обертки конфета. Растопыривает темно-коричневые пальцы.

Лиля застывает, ошеломленно изучая «взятку», с трудом пытается подавить улыбку, которая смягчает черты ее лица, делая его милее. Не выдержав очарования мальчишек, сдастся им – и уже в следующее мгновение по холлу прокатывается приятный, мелодичный смех. Тот самый, который зацепил меня в кафе.

Расслабившись, чувствую резкий приступ усталости. Опускаюсь в кресло, потирая взмокшие виски. Да мать вашу! Откидываюсь затылком на подголовник, дышу глубоко и даю себе время прийти в чувства.

– Игорь будет поздно, так что везти вас некому. Няня уехала на скорой, Альбина на такси, – лениво проговариваю в пустоту, бесцельно смотря в потолок, украшенный лепниной. Вот и какой толк от денег? Ни здоровье на них не купишь, ни время. Одни проблемы.

– Я могу сама...

– Под ливнем? В конце концов, вы же не бросите детей на произвол судьбы? – выпрямляюсь, тут же встречаясь взглядом с Лилей. Наблюдает за мной долго, пристально и настороженно. Ловит каждое мое движение, каждый хриплый вздох.

– У них есть отец, – не сводя с меня глаз, вытирает Дане ручки влажными салфетками. В одну из них заворачивает конфету, делая вид, что приняла угощение.

– Их отец не откажется от помощи, – признаюсь честно, смахивая испарину со лба. – Собственно, поэтому вы здесь.

Справившись с детьми, Лиля поднимается и переключает внимание на меня. Берет со стола графин с водой, наливает немного в стакан. Покосившись на меня, добавляет еще. До стеклянного ободка.

Скривившись, я небрежно отмахиваюсь от ее неуместной заботы. Нянька перепутала подопечных, и это раздражает сильнее головной боли.

– Почему вы так настаиваете? – опустившись рядом со мной на край дивана, упрямо ставит наполненный стакан на овальный столик. – Я же вам не нравлюсь, – двигает его ближе ко мне, и я все-таки протягиваю к нему руку.

Наши пальцы сталкиваются на холодном стекле, я чувствую бархат теплой кожи под подушечками. Согрелась все-таки Снежная Королева, подтаяла.

Короткий, но глубокий, как омут, зрительный контакт. Мимолетное погружение в ртуть – и я грубо выхватываю ста-

кан, заставив Лилю испуганно отдернуть ладонь и стиснуть кулачок. Делаю несколько крупных глотков, вливая в себя едва ли не половину жидкости. Пока стало полегче, встаю, упираясь в подлокотник, но стараясь при этом не коснуться Лили. Кидаю жестко:

– Не нравитесь. Именно в этом ваш главный плюс.

Ее губы едва уловимо дергаются, длинные, пушистые от природы ресницы трепещут, а в бездонных, ледяных глазах поблескивает серебро.

Оскорбилась, но в то же время должна успокоиться. Я не несу для нее ни малейшей угрозы. Никаких поползновений, косых взглядов и действий. Если Лиля наконец-то примет это, значит, есть шанс, что останется.

– Лиля, есть хочется, – заявляют внезапно мальчишки. Обычно их за стол не загонишь, а сейчас они сами проявляют инициативу. Если я правильно читаю собственных детей, то... сложная партия продолжается.

– Мы же только из кафе, – нежно улыбается Лиля. Для детей у нее совершенно другое выражение лица, доброе и мягкое. Хоть броня и остается, зато шипы прячутся.

– Проголодались, – преувеличенно жалобно ноет Даня, опуская ладошку на пузико, натянувшее кофту. Крепыш точно не страдает от голода, однако всем своим видом пытается показать обратное.

– Покорми нас, – покосившись на брата, Леша повторяет за ним. Демонстративно поглаживает плоский, впалый жи-

вот. Получается более правдоподобно, но все равно актер из него неважный.

Лиля медлит, сомневается, хотя оставлять детей явно не хочет. Помогаю ей принять окончательное решение.

– Кухня там, – небрежно взмахиваю рукой по пути в кабинет. – Она в вашем полном распоряжении. Еда в холодильнике, только разогреть. После ужина покажу вашу комнату.

Оставляю новоиспеченную няню наедине с детьми. Не потому что беспрекословно доверяю ей – я слишком практичен и подозрителен во всем, что касается семьи... В доме установлены камеры, так что из кабинета я могу следить за тем, что происходит в гостиной, кухне и детской.

Включив ноутбук, нахожу в шкафчике стола лекарства, привычно закидываю в рот горсть таблеток. Коробку с остатками бросаю на место с такой яростью, будто определил виновника всех своих бед и наказываю его.

Развалившись в кресле, терпеливо жду, пока пройдет полчаса и лекарства подействуют. Чтобы отвлечься, устремляю уставший взгляд на монитор.

Лиля возится с мальчиками, сочетая в себе строгость и ласку. Разумеется, все делает по правилам: сначала отправляет их в комнату переодеваться, потом заталкивает в ванную мыть руки, а только после этого ритуала приглашает на кухню.

– Зануда, – усмехаюсь себе под нос.

Благогатная тишина, к которой я стремлюсь в последние

дни, сейчас совсем не радуется. Подсознательно жалею, что камеры пишут без звука. Я не могу разобрать, о чем Лиля беззаботно болтает с детьми, пока накрывает на стол. Не слышу ее искристого смеха, которому тут же вторят Даня и Леша. Однако того, что я вижу, мне более чем достаточно.

Расслабляюсь в кресле, чуть покачиваясь и задумчиво потирая подбородок. Я будто оцениваю со стороны чужую жизнь. По десятибалльной шкале счастья она выглядит на одиннадцать, пересекая все границы и разрушая рамки.

Лилия опять что-то говорит ребятам, серьезно и долго, а они внимают каждому ее слову и кивают. Ухмыльнувшись, на секунду прикрываю глаза. Чувствую легкость и нечто новое, похожее на удовлетворение или... радость. Вместо боли по телу разливается тепло, странное и непривычное. Это точно не лекарства. Но я не хочу даже думать, в чем причина. Позволяю себе передохнуть перед продолжением своего последнего забега.

– Папа, – звучит после короткого, хаотичного стука по дереву.

В кабинет влетает Даня и придерживает дверь, пропуская Лешу с небольшим подносом. Вдвоем они тащат ценную, неустойчивую ношу ко мне, качают со стороны в сторону, едва не роняют по пути. Посуда гремит и звякает, вилка слетает на ковер, а из стакана что-то выплескивается.

Подскакиваю с кресла, чтобы помочь мальчишкам, но они будто не замечают меня. Целиком сосредоточены на важной

миссии, переругиваются друг с другом, пыхтят, шатаются.

– Та блин, не толкайся!

– Отстань, руки дырявые!

– Кхм-кхм? – обращаю на себя их внимание.

– А, о-ой, – близнецы спотыкаются у стола, с грохотом опускают на него поднос. Чудом успеваю перехватить его. – Приятного аппетита, – неестественно улыбаются, чересчур обнажая ровные зубки.

Переминаются с ноги на ногу, играют бровями, спрашивая без слов, нравится ли мне, и ждут похвалы.

Хмыкнув, опускаю взгляд на поднос. Порция риса с овощами и мясом, стакан сока и съехавший с тарелки тост, политый джемом... в виде улыбающейся мордочки.

Ребячество. Однако заставляет меня растеряться.

Обычно в моем доме все делает прислуга. За рационом детей следят няни и Альбина. Я ввиду загруженности – предоставлен сам себе. Никогда не завтракаю, обедаю в ресторане или секретарша заказывает еду в офис. Ужин – как придется.

– Спасибо, – хрипло выдаю. Выжимаю из себя ухмылку, такую же кривую, как у растекшегося по хлебу смайлика.

Казалось бы, еда как еда, ничего особенного. Сервировка далека от идеала, вид отнюдь не ресторанный, а подача... Раскладываю пару салфеток на подносе, чтобы они впитали пролитый сок.

Ужин непрезентабельный, но есть в нем кое-что важное, что отличает его от сотен других... Душа. Она не видна нево-

оруженным глазом, а просто ощущается. Заключена в нехитрых блюдах, витает в воздухе вместе с ароматным паром.

Оторвавшись от «съедобного бардака», я ободряюще смотрю на взволнованных сыновей. Для них все это тоже в новинку. Стоим втроем, как истуканы, и тонем в моменте.

– Очень вкусно, – выбиваю из груди в знак благодарности, а в подтверждение своих слов отламываю кусочек тоста и макаю в джемовую улыбку. – Бегите ужинать, – подмигиваю Дане и Леше.

– Ага, – довольно кивают, прокручиваются вокруг своей оси, цепляя друг друга, мельтешат, а потом вдруг вспоминают о чем-то. Возвращаются ко мне. – Наклонись, не достаем! – приказывают строго.

Стоит мне послушаться и сделать то, что говорят сыновья, как я чувствую два быстрых поцелуя на щеках. Будто птенцы клюнули. Засмущавшись, Даня и Леша сразу же сбегают из кабинета.

Я знаю, что за дверью их поджидает Лиля. Старается оставаться незамеченной, но я чувствую ее на уровне интуиции. Догадываюсь, что именно она выступила в роли «режиссера» этой семейной сцены.

Зачем? Неугомонная.

Намучаюсь я с такой изобретательной и энергичной няней.

– Пф-ф, черт, – с губ слетают ругательства.

Как только топот шагов и голоса детей отдаляются, я па-

даю в кресло. Потираю щеки, поглядываю на поднос. Размышляю.

Пытаюсь вспомнить, когда мы с сыновьями были настолько близки. Проводили время вместе, болтали ни о чем, да хотя бы ужинали за одним столом... Когда я вообще уделял им достаточно внимания? В первые месяцы после их рождения? Даже тогда рядом находились няни. Я работал, создавал проекты, преумножал капитал, развивался под неусыпным контролем отца. После его смерти стало еще сложнее, так что я буквально прописался в офисе. Стройки, совещания, контракты. Мозг превратился в машину по зарабатыванию денег. Неудивительно, что он дал сбой.

Плохой из меня папа? Необразцовый уж точно. Стать лучше вряд ли успею.

Взгляд цепляется за песочные часы. Сувенирные, маленькие, на деревянной подставке. Яростно хватаю, сильно сжимая в руке. Тонкое стекло жалобно скрипит. Замахиваюсь, собираясь запустить часы в стену и разбить на хрен, чтобы осколки разлетелись со звоном, а песок осыпался на пол.

Меня накрывает волной гнева и безысходности. Тянет на дно.

Несправедливо все, что происходит. Будто не со мной.

Подло, не вовремя, исподтишка.

Проклятие!

«Стоп», – переключаю себя так же резко, как и сорвался.

Убираю эмоции. Жаль еще и на них тратить время.

Песочные часы бесшумно возвращаются на стол, а их место в моей руке занимает телефон.

– Игорь, ты в дороге? – вслушиваюсь в мерный рокот двигателя в трубке. – Что выяснил по поводу Зиминной?

– Да, уже еду, – безопасник откликается незамедлительно. – Я так понимаю, вы хотите услышать все прямо сейчас? – я киваю, а Игорь хоть и не видит меня, но правильно понимает. – Подождите, Виктор Юрьевич, я припаркуюсь и достану досье.

После паузы, которая в моем восприятии длится вечность, а на самом деле занимает несколько минут, он начинает рапортовать громко и четко:

– Лилия Владимировна Зимина, двадцать три года. Образование высшее, английский язык и психология...

– Это я и так знаю, – рявкаю нетерпеливо.

– Вы поручили искать любую информацию, – резонно отмечает.

– Продолжай, – выдыхаю с хриплым рыком.

Мельком поглядываю на камеры. Сыновья ужинают с Лилей за одним столом. Время от времени она подскакивает, чтобы принести им что-то или подать. То нарезает Леше мясо и, судя по жестам, уговаривает его поесть, то наливает Дадне сок...

Картинка настолько реалистичная и гармоничная, будто они – настоящая семья, а это не первый их ужин вместе. Понимают друг друга с полувзгляда, улыбаются, сияют. Лилия в

этот момент выглядит и ведет себя иначе, чем со мной. Она естественная, не зажатая, солнечная.

– Не замужем, наследственных заболеваний нет, – судя по данным, Игорь залез, куда только можно и нельзя. Перестарался. – В семнадцать лет наблюдалась в частной клинике, есть отметка гинеколога, что здорова. Детали обследования не указаны.

– Уточни, – приказываю, поздно опомнившись. На хрена мне ее женские проблемы шестилетней давности? Здорова – и ладно.

– Завтра сделаю запрос, – мгновенно принимает мою поручение Игорь, а я почему-то не отзываю его. Впрочем, пусть убедится, что не было ничего серьезного и на данный момент с ней все в порядке. Все-таки Лиля с детьми моими находится.

– Что у нее за семья?

– Среднестатистическая, – хмыкает. – Отец умер, когда ей было двенадцать. Через пару лет мать вышла замуж во второй раз. За Семена Воронова.

– Кто у нас мать? – понижаю тон, хотя Лиля далеко, по ту сторону монитора, и не слышит меня. Меня не покидает ощущение, словно мы ужинаем вместе. Машинально даже делаю глоток сока одновременно с ней.

– София Зимина. Фамилию не меняла. По профессии строитель, больше не работает, – Игорь обрывает фразу, покашливает, а в трубке слышится шелест страниц.

– Почему? – подгоняю его, не отворачиваясь от ноутбука. – Что случилось?

– Шесть лет назад получила травму позвоночника. Несчастный случай. Неудачно прогуливалась вблизи строительного объекта.

Касаюсь колесика мышки, легким движением пальцев увеличиваю видео. Всматриваюсь в лицо Лили, худое и блеклое, будто от хронической усталости.

– Прогуливалась? – удивленно свожу брови. – Где это произошло?

– Жилой комплекс «Мечта», введен в эксплуатацию три года назад...

Дальнейшие слова Игоря превращаются в белый шум. Мысли беспокойно роятся в голове.

«Мечта», значит? Как символично. Насмешка судьбы.

– Мне нужно больше информации по этому инциденту, – жестко перебиваю безопасника.

– Постараюсь, – бросает коротко, но в голосе проскальзывают неуверенные нотки. – Сейчас Лилия живет с отчимом. Мать временно в реабилитационном центре.

– Адрес центра тоже скинь мне, – настаиваю.

Цепляет меня эта мутная история, царапает. Будоражит измученный мозг, требует разобраться. А я привык доверять интуиции – она ни разу меня не подводила.

– В целом Лилия – весьма положительная девушка. Трудолюбивая, умная, судя по отметкам в дипломе, самостоя-

тельная. Работает с семнадцати лет, параллельно с учебой. В институте о ней только хорошие отзывы, в детском центре – ни одного выговора, – чересчур тепло перечисляет ее лучшие качества. – Мне кажется, вам не в чем ее подозревать. Она...

– Мне не нужны оценочные суждения. Только факты. Выводы я сделаю сам, – рывкаю с внезапно пробудившейся злостью и тут же отключаюсь.

Что на меня нашло? Видимо, болезнь так действует на психику. Или новые лекарства. Никогда раньше я на Игоря голос не поднимал.

Выдыхаю.

Даю себе еще пару секунд, чтобы насладиться «семейным ужином», а после – нехотя сворачиваю окно.

Запускаю базу строительных проектов, нахожу тот самый объект «Мечта», поднимаю все документы – и погружаюсь в них с головой, потеряв счет времени.

Очнувшись, вскидываю взгляд на часы и с удивлением понимаю, что маленькая стрелка близится к одиннадцати.

– Ай, черт, – захопываю ноутбук.

Спешу на выход из кабинета, чтобы показать Лиле комнату, как обещал, и помочь с мальчишками.

– Лилия... – зову, едва распахнув дверь.

Застываю на пороге, инстинктивно сжимая ладонью ручку. Всматриваюсь в полумрак и, часто моргаю, чтобы глаза привыкли. Фокусирую взгляд.

В гостиной, полусидя на просторном диване, расположилась Лиля. Даня и Леша прижались к ней с двух сторон, обняв ручки за талию.

Все трое уснули под включенный телевизор.

Видимо, Лиля не дождалась меня, а зайти в кабинет постеснялась – не захотела отвлекать. Взрослая девушка, а порой ведет себя как смущенный, пугливый подросток. Нет в ней наглости и беспринципности. Сложно ей, наверное, идти по жизни с такими правильными установками.

Еще раз окидываю их взглядом, долгим и испытывающим. Усмехаюсь, бесшумно подходя ближе.

«Уляжется медведица под деревом, в тени. Сын рядом присоседится, и так лежат они», – проносится в голове глупый стишок, который одна из нянь читала моим детям.

В полумраке нащупываю пульт от телевизора и выключаю его, погружая комнату во тьму. «Медвежата» ворочаются, но не просыпаются.

– Так, а теперь мне с вами что делать? – выдыхаю себе под нос.

И опускаюсь на корточки перед диваном. С щемящей тоской рассматриваю семью, которую вскоре должен буду оставить. Не по своей воле.

Задерживаюсь на умиротворенной Лиле, бережно обнимающей мальчишек.

Ставлю момент на паузу.

А что если?..

Глава 10

На следующее утро

Лилия

По ту сторону закрытой двери разносится детский плач. Слабый, но жалобный. Бегу на звук на ватных ногах, барабаню по дереву, а стука не слышу. Рука утопает как в мягкой вате, а следом и я проваливаюсь в комнату.

Оказываюсь возле детской кроватки с балдахином. Резко отдергиваю невесомую ткань, заглядываю внутрь. Сердце заходится в огне, а потом вдруг замерзает.

На матрасике пусто. Тяну руку к бежевой простынке с мишками – и трогаю воздух. Кровать исчезает. Вместе с бортиком, о который я опиралась, и я лечу вперед.

Зависаю в вакууме.

Тонкий писк доносится откуда-то сбоку. Мчусь к следующей двери, бью по ней, как сумасшедшая. До стесанной кожи на костяшках.

И все повторяется.

Никого. Ничего.

Пусто.

Каждый раз одно и то же. Я будто застряла в петле времени.

Сбиваюсь со счета, сколько предприняла попыток найти зовущего меня младенца.

Все зря!

Детских криков становится больше. Они окружают меня, и я не в силах определить какое-то одно направление. Куда мне бежать? Кого спасать?

Обхватываю голову руками, крепко зажимаю уши и зажмуриваюсь до светлячков перед глазами. Мозг взрывается, барабанные перепонки не выдерживают, в ребра лупит ледяной камень. Хочу прореветь: «Хватит», – но губы вяло шевелятся, не производя ни звука.

Сдаюсь – и падаю на спину. Просачиваюсь сквозь пол.

Подскакиваю на огромной двуспальной кровати. В незнакомой комнате. Одна.

Осознаю, что детские вопли никуда не делись. Неужели я не проснулась? Застряла в кошмаре?

– Леша, уйди с дороги! – визжит один.

– Ай, Даня, не толкай меня! – обиженно тянет второй.

– Я открою!

– Нет, я первый!

Дверь распахивается прежде, чем я успеваю что-то понять. В спальню кубарем залетают мальчишки. Выпрямляются, посылают мне довольные, сияющие улыбки.

– Доброе утро, Лиля! – орут хором. При этом пихают друг друга, наступают на ноги.

Сердце все еще бьется в истерике после плохого сна, по виску ползет капелька влаги, дыхание сбивается, но я невольно улыбаюсь детям в ответ.

– Доброе, – шепчу осипшим голосом.

– Папа попросил осторожно тебя разбудить, – сообщает Даня.

– Осторожно? – тихо хихикаю, прижимая ладони к мокрым щекам. Машинально стираю размазанные подтеки слез.

– Завтрак! – командует Леша. – А потом занятия.

– Опоздаем, – рвано добавляет брат.

Как по команде, они оба разворачиваются и топают на выход. Аккуратно прикрывают за собой дверь. Отчитываются кому-то в коридоре о проделанной работе.

Ответа не слышу – он тонет в шуме шагов. Но сдавленный, хрипловатый мужской бас поднимает в груди бурю волнения и заставляет все волосы на моем теле встать дыбом. Голоса отдаляются, а я пытаюсь проснуться.

Прозрение снисходит не сразу. Выворачивает мозг, как похмелье. Я балансирую на грани сна и реальности.

Окружающая обстановка настораживает. Собственный ошеломленный шепот кажется чужим.

– Что? Где я вообще? Как я здесь оказалась?

Спальня уютная, светлая и просторная, но будто нежилая. Мебель из белого дерева выглядит стерильной: нигде ни царапинки, ни пылинки. Огромное окно, обрамленное тяжелыми гардинами, сияет чистотой, свободно пропуская солнечные лучи. Кажется, проведешь пальцем по стеклу – и заскрипит.

Прищуриваюсь, закрывая лицо ладонью. Прячусь от яр-

кого света и ослепляющей белизны. Судя по идеальному порядку, это точно не детская, иначе маленькие хулиганы разнесли бы все в два счета. А главное, здесь чувствовалась бы душа, от которой сейчас я даже следа не улавливаю.

Скорее всего, это гостевая комната, и она редко используется. Впрочем, чему удивляться? Вряд ли у такого сурового, мрачного типа, как Воскресенский, часто собираются толпы друзей в доме. Не выглядит он душой компании.

– Затворник-одиночка, – хмыкаю себе под нос. – Как и я...

Постепенно прихожу в себя, собираюсь с мыслями и восстанавливаю цепочку событий вчерашнего вечера.

Кафе, ливень, дом Воскресенского. Ужин с детьми... Виктор все время безвылазно провел в кабинете. В какой-то момент мне так жаль его стало, голодного и одинокого, что я отправила к нему Даню и Лешу с подносом. Сама зайти не решилась. Как представила его строгое выражение лица, холодный тон и острый, темный взгляд... мороз пробежался по коже.

Не рискнула я его потревожить и позже, после ужина. Покорно ждала в гостиной и детей просила не шуметь. Видимо, так мы и уснули на диване.

Больше ничего не помню. Утомленная бессонной ночью, тяжелым днем и пасмурной погодой, я отключилась, как игрушка с посаженными батарейками. Организм сдался и будто впал в состояние анабиоза.

Как я очутилась в этой комнате? Кто-то же перенес меня сюда. И уложил мальчишек.

Ответ очевиден.

– Виктор, – срывается с губ его имя, а я краснею до корней волос.

Больше никого с нами в доме не было. Значит, он...

Почему я не проснулась? Ничего не ощутила, кроме... умиротворения? Ни капли не испугалась? Где были мои бес-
сменные спутники: подозрительность и чуткость? В квар-
тире с отчимом я никогда не позволяла себе расслабляться. Я
была на чеку и мучилась от бессонницы.

С Виктором ничего подобного не произошло. Все реак-
ции организма ослабли, а тело превратилось в желе вместе с
мозгом. Я просто доверилась чужому мужчине во сне, когда
наиболее уязвима, что для меня странно и непривычно.

Зато я выспалась на год вперед, даже несмотря на кош-
мары под утро. Теперь чувствую себя по-настоящему отдох-
нувшей. Я сегодня будто новый человек.

– Вот такое доброе утро, – заставляю себя улыбнуться. У
меня есть правило: именно с этого начинать каждый день.
Даже когда хочется сдохнуть, я упорно натягиваю уголки губ
вверх. Заряжаю себя лживым позитивом.

Хотя этим утром моя улыбка вполне естественная. Стоит
лишь вспомнить мальчишек – моих маленьких озорных бу-
дильников – и она сама растекается по лицу.

Потянувшись сладко, я убираю пушистые и мягкие, как

облачка, подушки, скидываю одеяло и... осматриваю себя широко распахнутыми глазами. Смятая, расстегнутая на груди блузка, задранная выше колен юбка, колготки – вся одежда на мне. Воскресенский оставил меня в постели прямо в том, в чем я приехала. Успел лишь накрыть, чтобы не замерзла ночью, и сразу ушел.

Я, конечно, не хотела бы, чтобы он трогал и раздевал меня, и благодарна ему за проявленное джентльменство, но... Как мне в порядок себя привести? Лучше бы разбудил...

«Где шляешься?» – вижу СМС от отчима сразу же, как нахожу на тумбочке телефон.

Одно сообщение в полночь – максимум его заботы. Потом он, наверное, ушел спать, наплевав на меня.

– К черту иди, – шепчу в дисплей то, что никогда не решусь сказать вслух. Семена я терплю ради мамы и немного... побаиваюсь. Я ведь и спорить с ним начала не так давно, только когда речь зашла о деньгах, которых у нас нет. Отчиму все равно, что я коплю на операцию маме, а я впервые показала характер. Потому что моя цель важнее всего!

Аккуратно застилаю постель, бережно ровняя покрывало. Обнаружив дверь в ванную комнату, неуверенно озираюсь, но все-таки захожу туда.

Мне хватает минут двадцати, чтобы кое-как привести прическу и одежду в порядок. Мельком взглянув в зеркало, невольно кривлюсь: бледная поганка без грамма макияжа и с тугим каштановым хвостом на макушке. И тут же одергиваю

себя: а для кого мне наряжаться? Наоборот, это лишнее, если я хочу спокойно работать няней рядом со здоровым, одиноким мужиком.

Отбросив глупые мысли, спускаюсь в гостиную. До кухни добираюсь на ватных ногах, которые отказываются меня слушаться. Неловко до дрожи в коленях и покалывания на кончиках пальцев. Каждый следующий шаг дается мне с большим трудом.

Останавливаюсь в проеме двери, затаив дыхание.

Мальчишки сидят за столом боком ко мне, болтают ножками и жуют нехитрые бутерброды, которые должна была сделать я, если бы позорно не проспала завтрак. Перевожу взгляд на широкую спину Виктора. Он сгорбился над столешницей, оперев руки в ее край. Мощные плечи поднимаются в такт тяжелому дыханию.

– Доброе утро, – даю о себе знать.

Наконец-то набравшись смелости, захожу на кухню.

Желаю Дане и Леше приятного аппетита, приветственно чмокаю их в щечки. Дальше действую машинально: у одного вытираю салфеткой джем с уголков губ, второму наливаю сок в опустевший стакан. Скептически покосившись на слишком толсто нарезанные ломти хлеба, ничего не говорю. Уверена, что папочка постарался. Значит, Альбина еще не пришла, чему подсознательно я рада. Не понравилась она мне – надменная, высокомерная женщина, которая на дух не переносит детей. Не хочется общаться с ней лишний раз,

хоть и придется.

– Могу быстренько оmlет сделать, будете? – предлагаю, подмигнув ребятам.

Оба кивают с набитыми ртами, а я, забывшись, разворачиваюсь к холодильнику. Вчера я освоилась на кухне, так что теперь чувствую себя свободно... Правда, до определенного момента. Пока не сталкиваюсь с угрюмым, бдительным взглядом Виктора. Интересно, как давно он за мной так пристально наблюдает? И зачем?

– Доброе, Лилия, – заторможено произносит Воскресенский.

Глаза отдают нездоровой краснотой, будто он не спал всю ночь, на дне зрачков – холод и усталость. В следующую секунду я догадываюсь, с чем связан его разбитый, утомленный вид. Виктор прижимает ладонь ко лбу, большим и средним пальцами массирует виски. Отворачивается от меня.

– Головная боль? – уточняю, не надеясь на ответ.

Принимаю небрежный взмах его руки, неопределенное мрачное мычание и жест, указывающий мне заниматься своими делами и не лезть в его жизнь. Вчера Виктор так же отреагировал на мою помощь.

– Ее терпеть нельзя, – тяну занудным тоном.

– Господи, Лилия, да это вас терпеть невозможно, – шумно выдыхает он, закидывает в рот какие-то таблетки. Глокает на сухую, будто для него это привычная процедура.

Подаю ему стакан с водой, заставляю запить.

– Вы еще и на голодный желудок? – отчитываю его возмущенно.

Игнорирует меня, будто я тень. Лениво проходит мимо, берет чашку эспрессо из кофемашины. Невозмутимо подносит к губам, на ходу поглядывая в телефон и листая ленту.

– Какой вам кофе? – нахально забираю кружку и вливаю содержимое в раковину. – Я сейчас травяной чай заварю. Вчера ромашку и мяту в шкафу видела. Садитесь, заодно отдохнете и дождетесь, пока ваши таблетки подействуют.

Воскресенский не двигается с места, потеряв дар речи от моей вопиющей наглости, лишь провожает изумленным взглядом эспрессо. Смотрит, как черная жидкость утекает в канализацию, хмурится, будто прощается с ней. Возвращает внимание на меня.

– Мы не успеваем... – спорит с легкой растерянностью.

– Жить вы нормально не успеваете, Виктор Юрьевич, – подталкиваю его к столу. – Постоянно торопитесь куда-то, нервничаете, не досыпаете, не доедаете. Все время на связи с работой, – вырываю телефон из его руки и откладываю на столешницу. – А жить-то когда собираетесь? – невольно повышаю голос. Это надо же быть таким упертым и невыносимым. – Сядьте уже, наконец!

– Садись, пап, – становится на мою сторону Леша.

– Хочешь хлеб? – делится с ним бутербродом щедрый Дания.

Мы не оставляем Виктору выбора, и он слушается нашу

«команду». Медленно опускается на стул, не сводя с меня потемневшего взгляда. Выглядит и ведет себя будто загипнотизированный: пока внешняя оболочка делает то, что я скажу, все его внутреннее естество бунтует и злится.

Наступает моя очередь теряться.

– Я что-то сказала не так?

Глава 11

Смерив мою невзрачную фигурку тяжелым взглядом и окатив волной мрачной, удушающей энергетики, Воскресенский молча отворачивается, так и не удостоив меня ответом. Списываю его настроение на головную боль, потому что не могу понять, в чем лично я провинилась. Наоборот, искренне хочу ему помочь.

Виктор переключается на сыновей, которые так рады совместному завтраку, что начинают активно жестикулировать и громко щебетать. Отец не ругает их за баловство и не просит замолчать, а наоборот, наблюдает за каждым их действием с затаившимся теплом в потухших глазах. Что бы ни случилось, как бы ни чувствовал себя Воскресенский, для детей у него всегда найдется легкая, сдержанная, но абсолютно настоящая улыбка.

– Папа, я тебе намажу, – вызывается помочь Даня и тянется за джемом.

– Нет, я, – Леша выхватывает у брата хлеб, случайно разрывает его пополам и засыпает крошками стол.

– О-о-о, я ничего не видела, – хихикнув, отворачиваюсь. – Убирайте за собой сами, парни, – приказываю в шутку, не подозревая, что Виктор может принять это и на свой счет. Судя по его сдавленному кашлю, так и происходит.

Пока за спиной слышатся перешептывания и возня, я го-

товлю чай. Цепляю в шкафу какие-то стеклянные банки с травами, перебираю, изучаю внимательно. Они не подписаны, да и по запаху мне не нравятся, поэтому не рискую их использовать. Беру только запечатанные коробки с фирменными логотипами, вскрываю и насыпаю сухие листочки в заварной чайничек. Даю настояться.

Спустя несколько минут по кухне разносятся ароматы мяты и Melissa, которые должны бы успокоить хмурого хозяина дома, но у него, наверное, обоняние отказало. Он по-прежнему возвышается над столом нерушимой, твердой, холодной скалой.

– Не отпускает? – спрашиваю участливо, поставив перед Виктором чашку чая. Выдавливаю из себя добрую улыбку, но в ответ он лишь сильнее ожесточается.

Вздыхнув, укоризненно качаю головой, чем вызываю у него очередной приступ шока. Закусываю губы, чтобы с них не сорвалась очередная неуместная фраза. Еще одно слово с моей стороны – и меня выгонят с работы, так и не приняв. Поэтому безмолвно отступаю к окну и распахиваю обе створки настежь, впуская в помещение прохладный, влажный после дождя, напитанный озоном воздух. Воскресенскому должно стать легче.

Оглядываюсь, украдкой изучая его. Напряженный, суровый, молчаливый, он даже не смотрит на меня. И к чаю не притрагивается. Упертый!

Когда Виктор в очередной раз взмывает руку к вискам, я

не выдерживаю.

– Так, ладно, есть один способ, – сажусь рядом с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.